

Константин Парфирьевич Коханов

Таёжный дневник

В 1970-1986 годах я совершил десять, так называемых мной громко, «экспедиций» в район падения Тунгусского метеорита.

Говорить, что я отправлялся в какой-то определённый район, это не совсем правильно, так как, по крайней мере, согласно, проведённых опросов эвенков, было установлено, что гигантские вывалы тайги были ими обнаружены, как в районе Ванавары, так и хребта Лакура, и ещё дальше в верховьях реки Южная Чуня.

Экспедиция 1972 года

Несколько слов о том, что представляет мой дневник 1972 года. С первого взгляда его можно принять за разрозненные записи, но, это просто его четыре части.

Причём в дневнике нет описания ни начала путешествия, ни его конца. Но как ни странно, а именно начало и конец своего путешествия я запомнил хорошо, а вот именно эти четыре части, оставили в моей памяти воспоминания, которые никак не совпадали в деталях. Когда я восстанавливал события того года по памяти, то сразу стало понятно, что некоторые части, настолько перепутались в деталях, что даже разные люди, стали сливаться в одно и то же лицо. Если с этим я с трудом разобрался, то с тем, как протекали дальнейшие события, то от них осталась по сути одна эмоциональная часть, которая никогда не претендует на документальность.

Экспедиция 1973 года

Дневник 1973 года был начат в вагоне поезда, с описания моих проводов на Ярославском вокзале города Москвы в черновой тетради, где сохранился на двух вырванных листах (3-х страницах). Продолжение дневника (его основная часть) относится к путешествию по Большой Ерёме, а конец, несколько строчек в записной книжке, это всего лишь эпизод в вагоне поезда, при возвращении домой.

В 1973 году, мне казалось, что я основательно подготовился к путешествию и поэтому из Москвы захватил с собой достаточное количество продуктов и даже «минифотолабораторию». Она включала в себя стереофотоаппарат, бачки для проявки фотоплёнки, более 20 пачек универсального проявителя и фиксажа, приспособление для контактной печати стереоснимков и фотобумагу. Поэтому первую часть пути до Иркутска я решил преодолеть на поезде.

Ванавара XXXVI лет спустя

Прилетев в Ванавару в пятницу тринадцатого, в тринадцать часов с чем-то минут, и, увидев на площади аэропорта такси с надписью «работает круглосуточно», я сначала подумал, что это проделки Воланда и наверно бы не удивился, если бы следом за ним вдруг показался трамвай. Во всяком случае, в фильме «Человек с бульвара Капуцинов» у одного из героев, в исполнении артиста Николая Караченцова, при виде поезда поднялись волосы под шляпой, у Константина Коханова, от вида такси в селе Ванавара, волосы приподняли кепку.

И в этот раз, вспомнив молодость, я решил для правдоподобности немного приврать и представиться академиком Василием Петровичем Вернатским, разумеется, не в Ванаваре, а непосредственно на Заимке Чулика, в кругу авторов многочисленных гипотез по природе Тунгусского метеорита.

Таёжный дневник

В 1970-1986 годах я совершил десять, так называемых мной громко, «экспедиций» в район падения Тунгусского метеорита.

Говорить, что я отправлялся в какой-то определённый район, это не совсем правильно, так как, по крайней мере, согласно, проведённых опросов эвенков, было установлено, что гигантские вывалы тайги были ими обнаружены, как в районе Ванавары, так и хребта Лакура, и ещё дальше в верховьях реки Южная Чуня.

В этом предисловии к поэтическому сборнику я расскажу о романтическом этапе первых трёх «экспедиций», с которым и связано, возобновление мной увлечения поэзией, и особенно авторской песней, когда она только стала обретать популярность, так как сочинялась людьми, которые на себе прочувствовали то, о чём они пели у таёжных костров.

Для начала предложу вашему вниманию, содержание стенной газеты под названием «Северо-западнее Ванавары», которую я повесил в коридоре цеха Московского завода точной электромеханики, где я работал с лета 1970 года - по весну 1972 года. Тогда, после возвращения из своей второй «экспедиции» 1971 года, я ещё надеялся хотя бы кого-нибудь заинтересовать проблемой Тунгусского метеорита и привлечь к участию его поисков.

«Северо-западнее Ванавары»

Периодически в научно-популярных журналах, в радиопередачах и во время научных конференций возвращаются к не решённой проблеме XX века, Тунгусской катастрофе.

«В ней необходимо разобраться ещё потому, что последствия падения на Землю таинственного тела слишком напоминают результаты ядерных взрывов. Именно это опасное сходство имел в виду президент Международного астрономического союза, открывая в 1958 году в Колонном зале Дома союзов X съезд этой ассоциации. Французский астроном заявил, что если в наше напряжённое время повторится событие, сходное с тунгусским взрывом, то это может привести мир к непоправимой катастрофе?» (Журнал «Техника-Молодёжи»-1967).

Это случилось 30 июня 1908 года, в восьмом часу утра.

«Падение наблюдалось при безоблачном небе на огромной территории Восточной Сибири, начиная с берегов Енисея на западе и кончая населёнными пунктами вдоль рек Витима и Мухтуя на востоке, т.е. на пространстве около 1500 км в поперечнике. Очевидцы наблюдали полёт ослепительно яркого болида, затмившего собой солнечный свет. Болид пронёсся в течение нескольких секунд в направлении с юго-востока на северо-запад (по Кринову). По пути движения болида оставался очень мощный пылевой след, наблюдавшийся в пунктах расположенных вдоль проекции траектории в виде гигантского столба; над местом падения метеорита наблюдалось пламя и облако дыма, отмечавшееся очевидцами из ближайших к месту падения пунктов.

После падения раздались оглушительные взрывы, которые были слышны на расстояние свыше 1000 км от места падения. Затем раздался грохот, треск и гул. На огромной территории, почти достигавшей области видимости световых явлений, отмечалась сотрясение почвы, дрожание построек, раскол оконных стёкол, падение различных предметов и домашней утвари, качание висячих предметов. Многие очевидцы даже были свалены с ног воздушной волной, распространившейся с места падения. Особенно такие явления были заметны на фактории Ванавара, расположенной около 60 км по направлению от места взрыва. Здесь один из жителей, сидевший в момент взрыва на крыльце дома, был отброшен на несколько метров и потерял сознание, ощутив перед этим непосредственное действие жара распространявшегося от места падения. Чум эвенков, находившейся в 40 км к юго-востоку от места падения, был поднят в воздух вместе с находившимися в нём людьми» (Кринов).

О падение этого болида писали сибирские газеты того времени, но российскому самодержавию, потерпевшему сокрушительное поражение в войне с Японией было не до науки. Донесения об этом необычном явлении легли на пыльные полки архивов. Проходили годы о нём стали забывать.

Первое исследование места падения Тунгусского метеорита было произведено Л.А.Куликом в 1927 году, т.е. через 19 лет после его падения. Вот что он писал:

«...я не могу реально представить всей грандиозности картины этого исключительного падения... Не видно отсюда с нашего наблюдательного пункта и признаков какого-либо леса; всё повалено и сожжено, а вокруг... на мёртвую площадь надвинулась молодая двадцатилетняя поросль... И жутко становится, когда видишь десяти - двадцативершковых великанов... переломленных пополам, как тростник...».

Кулик установил на всём пространстве радиальный вывал леса. Деревья с вывороченными корнями лежали по направлению к центральной части вывала, причём вершины были направлены наружу, а корни к центру. Такой радиальный характер вывала указывал на то, что падение сопровождалось взрывом. Кулик считал метеорит железным, а обнаруженные круглые озёра в торфяниках кратерами крупных его осколков.

Не смотря на предупреждение специалистов о их естественном происхождении, Кулик приступил в своих последующих экспедициях (1928, 1929-30) к раскопкам, которые ни к чему не привели.

Так, например, в Клюквенной воронке, после того как из неё была спущена вода, обнаружили... пень. В 1938-39 годах была произведена аэрофотосъёмка центральной части вывала, радиусом 12х15 км, общей площадью 250 км.

В 1939 году Кулик с небольшой группой вновь приехал в район падения. Теперь его интересовало Южное болото. Обнаруженные неровности дна Кулик принял за метеоритные кратеры, изучение которых он отложил на 1940 год. В 1940 году экспедиция не состоялась. В 1941 году Кулик ушёл добровольцем на фронт. В 1942 году - погиб.

После войны о Тунгусской катастрофе во весь голос заговорили фантасты. В 1946 года в опубликованном в журнале «Вокруг Света» рассказе «Взрыв» писатель А.Казанцев убеждал читателей, что причиной Тунгусской катастрофы был взрыв марсианского атомного корабля. Писатель Б.В.Ляпунов в 1950 году в статье, опубликованной в журнале «Знание и Сила», пошёл дальше в этом направлении, считая причиной взрыва прилетевший к нам из неведомых глубин космоса уже звездолёт.

Хотя эти новаторские предложения были встречены холодно в научных кругах, молодёжь восприняла их восторженно.

Уже тогда романтику моря стала сменять романтика космоса. Летом 1953 года геофизику К.П.Флоренскому, который проводил исследования в районе Подкаменной Тунгуски, комитет по метеоритам поручил осмотр вывала. Флоренский осмотрел район с самолёта и установил, что вывал ещё хорошо виден. Пройдя пешком от Ванавары до построенных Куликом изб в эпицентре взрыва и убедившись, что там всё в полной сохранности, он вернулся обратно, по пути взяв несколько проб. А между тем пробы привезённые Куликом всё ещё лежали необработанными.

Лишь в 1957 году сотрудник КМЕТа (*Комитета по метеоритам*) А.А.Явнель взялся за их обработку.

Не смотря на то, что результаты оказались интересными, т.к. в нескольких пробах Кулика и одной Флоренского были обнаружены небольшие железные частицы в виде чешуек, стружек, балочек и найдены крошечные магнетитовые содержащие 7-10% никеля и 0,7% кобальта, что типично для железных метеоритов, ко всему этому многие отнеслись скептически и не без основания, ссылаясь на отвратительное состояние помещения, где они хранились в перемешку с пробами, взятыми с места падения Сихоте-Алинского метеорита в 1947 году.

В пятидесятых годах начали говорить о новой экспедиции в район падения Тунгусского метеорита. В юбилейный 1958 год она, наконец, состоялась. Экспедиция была рассчитана на два месяца. Руководителем был назначен Флоренский. После окончательной обработки проб, взятых этой экспедицией в помещение «биолого-почвенного факультета Московского университета» пришли к выводу, что метеорит не был железным, и по всей вероятности взорвался в воздухе, не долетев до земли.

С 1959 года, в район падения началось паломничество самодеятельных экспедиций и туристических групп.

Если КСЭ (руководитель Плеханов) ставила целью проверку всех гипотез, в том числе и гипотезу ядерного взрыва, то самодеятельная группа из Башкирии (руководитель Золотов) преследовала единственную цель доказать её. В этом же году академик В.Г. Фесенков снова (ранее об этом ещё высказывались Л.А. Кулик и И.С. Астапович) выдвинул кометную гипотезу Тунгусской катастрофы.

Учитывая важность этой проблемы, КМЕТом было решено организовать в 1961 году большую комплексную экспедицию.

В 1961-62 годах были проведены ещё две официальные экспедиции, результаты которых, как выразился их начальник К.П. Флоренский, были доказательством кометного происхождения Тунгусской катастрофы.

Но эта твёрдая уверенность, высказанная в печати, вызвала резкую критику, к которой присоединились даже некоторые участники экспедиций 1961-62 годов.

После 1962 года официальные экспедиции в район падения Тунгусского метеорита не посылались. Руководители КМЕТа, приняв разработанную гипотезу В.Г. Фесенкова, сочли, что Тунгусская проблема решена.

После 1962 года в районе падения метеорита продолжала вести регулярные комплексные исследования по своим или согласованным с КМЕТом программам *только* КСЭ и группа Золотова.

В 1968 году, после ознакомления со статьёй о нерешённой проблеме Тунгусского метеорита в одном из популярных журналов, я принял решение

выехать в район Подкаменной Тунгуски не позднее лета 1970 года.

В 1970 году поездом, а затем двумя самолётами, на восьмые сутки, я, наконец, достиг Ванавары, маленького посёлка на берегу Подкаменной Тунгуски. За два дня, делая отчаянные попытки выйти на тропу, я убедился, что мало подготовлен к этому мероприятию. От Ванавары шли куда-то три дороги и целая паутина троп. Глядя на них, я понял, что кратчайший путь к избам Кулика не для меня. Оставалось, следуя описанию Б.Вронского (*в его книге «Тропой Кулика»*), идти берегом Подкаменной Тунгуски и Чамбы, к так называемой переправе. Чего не сделаешь ради удовлетворения любопытства. Отрезок Подкаменной Тунгуски, в 25 км был пройден за один день без каких либо трудностей и врятели чем запомнился, если бы я не вздумал срезать угол у самого устья Чамбы, чтобы выйти к её берегу через тайгу. В результате, наткнувшись на болото и сделав крюк в 10 км, я снова вышел к Подкаменной Тунгуске, уже значительно дальше того места, от которого меня потянуло в тайгу. Это немного отрезвило меня, раз и навсегда отучив срезать углы в не знакомой местности. На четвёртый день пути вдоль берега Чамбы, через многочисленные завалы и болотистые устья многочисленных рек и ручьёв, я достиг переправы, крайне измотанным и потерявшим в себя веру человеком. Попытки перейти Чамбу вброд не увенчались успехом. Передо мной катила свои волны Чамба, как Рубикон, но я, к сожалению, был не Цезарь. Вырезав на память, на ближайшем переломленном молнией дереве, свои инициалы с датой своего поражения, я с оставшимися двумя банками тушёнки и горстью рожков, вышел на тропу Кулика. Но шёл я по ней не к эпицентру взрыва Тунгусского метеорита, как мне хотелось в Москве, а назад к Ванаваре. Через два дня я замкнул кольцо этого непрерывного бегства. В этот год было не до проверки гипотез, т.к. бросившись в тайгу, я не знал, поймём ли мы друг друга или на всю жизнь расстанемся, как враги. Улетая, на следующий день из Ванавары, я знал, что вернусь.

В 1971 году, делая пересадки с самолёта и *последовательно* на три «парохода», и вновь на самолёт, я добрался до Ванавары окружным путём, по Енисею и Ангаре, т.к. ввиду пожара где-то в том районе и из-за полного отсутствия видимости, были закрыты все местные аэродромы.

В Кежме я познакомился с туристами из Казани, которые собирались пройти на байдарках до Мурорая, и у которых пешая часть маршрута проходила через «куликовские» избы. В Ванаваре я с ними встретился снова и не в последний раз, потому что им так и не удалось даже преодолеть «чамбинского» отрезка маршрута. Понадеявшись на подвесной мотор, не пожелавший завестись ещё на Подкаменной Тунгуске, они не рассчитали своих сил и вернулись обратно. У устья Чамбы, где я с ними встретился и провёл в их обществе день, они ещё на что-то надеялись.

В этом году к устью Чамбы я попал случайно. Встретившись в тайге с одним охотником (*Александром Лазаревым*) из Ванавары, который затащил меня сначала на Зимовье Чамба, а потом отвёз на моторной лодке на другое *зимовье* вниз по Подкаменной Тунгуске, я хотя, и потерял два дня, но зато хорошо отдохнул.

Гостеприимный хозяин через два дня привёз меня обратно, показал тропу, правда, не ту, которую нужно, тем самым, давши мне вновь возможность повторить часть прошлогоднего маршрута.

Теперь Чамба была значительно мельче, чем в прошлом году. Я дважды переходил её вброд, если замечал под вечер на противоположном берегу охотничью избушку, потому что утром предпочитал идти по знакомому берегу. Под лиственницами, как в прошлом году, меня спать больше не тянуло.

На третий день я дошёл до переправы. Рядом с продолжением тропы, которой я в прошлом году не увидел с противоположного берега, росла в два обхвата лиственница, покрытая по всему обтёсанному стволу до двух метровой высоты многолетними автографами туристов и участников КСЭ. Не удержался от этого соблазна и я. Продолжение тропы мало отличалось от пройденного мной в прошлом году участка. В первый день пришлось заночевать около болота там, где тропа делала ответвление на хребет Хладного, зато на второй день, я оценил все прелести хорошо натопленной избушки на Хушме, после того как прошагал под дождём более 20 км. На следующий день я принял решение идти к избам Кулика налегке, т.к. к этому времени продуктов оставалось только на обратную дорогу. Взяв фотоаппарат, горсть ломаных сушек и *полулитровую* бутылку компота, приготовленного ещё с вечера *из последнего лимона*, я под морозящим дождём пошёл к избам.

Через три-четыре километра водопад Чургим, как крепостная стена, преградил мне дорогу. Это было одно из самых красивейших мест на тропе. Сине-чёрные камни, как бы изрубленные каким-то великаном ощетинились и даже вода, низвергавшаяся вниз, не смогла сгладить их упрямые гребни. На фоне зелёных склонов гор водопад светился неземным фиолетовым светом, оставаясь загадочным, как издали, так и вблизи.

После водопада, еле заметная тропа переходила в просеку, прорубленную ещё по распоряжению Кулика. Через три километра показались избы. В одной из них мне послышался какой-то шорох. Открыв дверь, я замер на пороге. В избе были двое - мужчина и девушка лет восемнадцати. Поздоровавшись и представившись, я узнал от них, что на Заимке сейчас ещё продолжает работу КСЭ-13. Мужчина оказался начальником экспедиции Димой Дёминым. Увидев, в каком виде я путешествую по тунгусской тайге, он не выдержал и рассмеялся. Особенно, как он потом признался, его шокировала болтавшаяся в моей руке авоська с бутылкой. Дёмин пригласил меня «вечерком зайти» на так называемый банкет по случаю проводов двоих ребят в Ванавару. Я согласился. Когда я уходил за спиной ещё долго слышался раскатистый смех Дёмина, который, как мне показалось, потряс эти легендарные окрестности подобно орудийному салюту. Весь этот день я утапывал этот семикилометровый участок тропы, сначала без рюкзака, а потом для надёжности, с рюкзаком. Когда я снова подходил к избам то не знал, что меня ждёт подчёркнутая заинтересованность, понимающие улыбки или то небольшое, что необходимо человеку, когда его считают своим.

Стемнело. У изб горел костёр, на котором стояло ведро с кипевшей в нём дичью. По реакции ребят на моё появление, выраженной полно в одной фразе, заключавшейся в том, что я пришёл так рано, что они не успели сварить глухарей к моему приходу, я пришёл к выводу, что меня здесь поняли правильно.

Через несколько минут к костру подошли девушки, которые, увидев меня, остановились в замешательстве, так что ребятам пришлось напомнить, что в культурном обществе принято здороваться.

Как я потом узнал, рассказ Дёмина о нашей встрече, здесь приняли за шутку и весь день, зная о его слабости к «летающим тарелкам», не давали ему прохода, допытываясь: может, это был марсианин!?

В конце концов, Дёмину ничего не оставалось, как заявить с серьёзным видом: «Да, и у меня было такое ощущение, как-будто он вылез из какого-то ящика в углу избы, т.к. признаться по правде, я не слышал, как открылась дверь? К тому же все, кто выходит из тайги не в меру разговорчивы, а этот через несколько минут исчез».

А теперь этот самый марсианин стоял у костра, и не было в его виде ничего особенного.

Сварились глухари. Церемонию проводов было решено о провести в одной из изб! С нар были сняты спальники и вместо них разложена в тарелках таёжная снедь, и расставлены кружки. Расселись. В кружках на самых доньшках два раза мелькнула водка, и после нескольких традиционных тостов и дружеских пожеланий на будущее, над тайгой поплыли песни, многие из которых я слышал впервые. Одна из них, песня А. Бийчаниновой, перекликалась с тем, что у меня творилось второй год на душе. Я вновь и вновь повторял про себя, её слова - незатейливые, задумчивые, как всплески Чамбы:

Непонятно откуда,
Непонятно зачем,
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен.
Лес задумчивый чахлый,
Зыбь зелёных болот,
Перекаты на Чамбе,
Журавлиный полёт.

Берег речки безвестный,
Россыпь серых камней,
Вспоминаю, как песню
Возвращённую мне.
Может, это приснилось:
Предрассветный туман,
И Синильга-синица,
Просто сказка-обман?

Непонятно откуда,
Непонятно зачем,
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен.
Может быть не случайно,
В серой россыпи дней,
Перекаты на Чамбе,
Стали песней моей.

На, следующий день я принял участие в одном из двух последних маршрутов КСЭ-13 за пробами на цезий. На одном из заданных болот была найдена ровная площадка, на которой разметили участок площадью в квадратный метр и обкапав его с двух сторон до вечной мерзлоты, образовавшийся торфяной пирог, разрезали пятисантиметровыми слоями и сложив их также послойно в полиэтиленовые пакеты. Хотя на этом участке торф залегал всего на глубину 35 см, каждому его досталось более 20 кг. В лабораториях

Томска, Новосибирска и Москвы во взятых пробах выделяют слой 1908 года и затем определяют уровень радиоактивности в этом месте в момент Тунгусской катастрофы. С 1958 года в районе падения было взято около 300 проб. Когда мы вернулись на Заимку, то застали там туристов из Уфы, сдававших в этом районе нормативы на звание «мастер спорта». По пути они тоже захватили несколько проб, взятых на болотах к западу от Заимки и теперь готовились навсегда покинуть эти места.

Опять под вечер, собравшись в той же избушке, мы провожали ещё одну группу традиционно песнями. Дороги песен, они не подвластны гравитации, они не только ведут вокруг планеты, по ним мы поднимаемся к звёздам, на их бесконечных перекрёстках мы встречаемся с братьями по разуму на далёких планетах ещё не открытых звёзд, по ним мы даже путешествуем во времени. Заимка под опрокинутой чашей небосвода сегодня была ближе к космосу, чем Байконур или Мыс Кеннеди, потому что почти рядом:

За хребтом, за синим Сильгами
Звёздное сияние,
Там с глазами, словно васильки
Ходят марсиане.
Прилетели, пламя развели,
Пляшут ярко-мёдные
А на тёмном склоне корабли
Остывают медленно.

(слова Карпунина)

На Заимке я провёл ещё два дня. За это время сначала с геологом Сашей Мошкиным я поднялся ночью на гору Фаррингтон, а затем на следующий день с ним же и с остальными членами КСЭ на гору Стойковича, для изучения «дёминского таинственного космического тела», которое, как выяснилось, ещё задолго до нас, называли Марсом. Ну, что ж, не каждый же день нам делать открытия.

И вот после отчаянных попыток связаться с Ванаварой по радио Дёмин обратился ко мне с просьбой проводить Сашу Мошкина до этого населённого пункта и там помочь ему сделать сброс продуктов с самолёта на Заимку. Саше так же предстояло заказать спецрейс вертолёта для того, чтобы вывести пробы уже приготовленные к отправке. Сам он добрался до Заимки с проводником и Дёмин, зная по собственному опыту, что с первого раза никто почти не пробовал пройти по тропе Кулика самостоятельно, решил не рисковать.

Короткие минуты прощания и как всегда пожелания удачи и как всегда обещания новых встреч. Но вот мы идём по тропе. Осенняя тайга разбрасывала все свои щедрые дары вокруг нас. Красные брусничные поляны чередовались с синими голубичными, на болотах пестрела, наливаясь зарёй клюква, а вдоль ручьёв свешивала свои огненные гроздья красная смородина. Стелилась под ногами костяника, красный с фиолетовым отливом продолговатый шиповник в тени лиственниц сам просился в рот, как и черёмуха, одного взгляда на которую хватало, чтобы почувствовать её терпкую мякоть. Цветов почти не было и лишь на горячих, гордо поднимал свои стебли с малиновыми соцветиями кипрей. Это было его время - золотая пора иван-чая.

Через два с половиной дня мы были в Ванаваре. Там мы узнали, что сброс на Заимку организовала предыдущая группа, а вертолёт отбыл в неизвестном направлении. По крайней мере, никто даже не мог вразумительно сказать, когда он вернётся. Оставалось только дожидаться Дёмина и уже с ним решать, что делать дальше. За день до нашего

прихода в Ванавару, Дёмину удалось связаться с ней по радио и, зная положение дел, он вряд ли стал бы задерживаться на Заимке. Так оно и было. Дёмин покинул Заимку на следующий после сброса день. Хотя он в шестой раз выходил на тропу, удача не сопутствовала ему. Сбившись с тропы на болоте, где с нами приключилось тоже, *что и с ним*, и где мы потеряли час, чтобы выйти на неё снова, Дёмин со своей группой поступил иначе. Он пересёк болото, как потом выяснилось под углом к тропе, забрался в какие-то непроходимые дебри и, маневрируя в них, пришёл в Ванавару на четвёртые сутки.

Через день я прощался с КСЭ-13, с некоторыми ребятами навсегда, т.к. не каждый, кто побывал здесь однажды, возвращается вновь.

Итак, прошло два года, за которые были найдено много новых друзей, сделаны свои маленькие открытия, одна из находок даже вызвала, по выражению Дёмина, единодушное ах! на одном из сборов в Новосибирске. А главное сделан первый самостоятельный шаг, с которого начинается или кончается всё, на что мы бываем, способны в жизни.

В этом году я ещё раз побывал в Сибири, на ноябрьской конференции в Томске, посвящённой проблеме Тунгусского метеорита, где, заслушивая приветствие в адрес кустаря-одиночки, не сразу понял, что эти слова относятся ко мне.

Невольно могут спросить, и с какой целью это всё было проделано мною, чего я добиваюсь или что я ищу? В отношении этого я вряд ли осчастливию кого-либо вразумительном ответом. Это надо почувствовать, когда мечта начинает обретать очертания, но ещё очень далеко до рассвета, чтобы разглядеть её во всём блеске, и приходится продолжать этот бесконечный ночной полёт, о котором так хорошо сказано в одной из песен, спетых нами на Заимке Кулика:

Оставь свою печаль до будущей весны
На север улетают самолёты,
Гремит ночной полёт по просекам лесным,
Ночной полёт - не время для полёта.

Ни мартовские льды, ни вечные снега,
Ни обелиски под звездой жестяной
Не оборвут следы к пылающим кострам
К непройденным вершинам безымянным.

Мы бросили к чертям пшеничные хлеба,
Сменили на махорку сигареты,
Выходит, что у нас попутная судьба,
Один рассвет ладонями согретый.

Простите города, прощайте вновь и вновь
Кому-то надо на земле дежурить
Ни деньги, ни указ, ни чья-нибудь любовь
Уж не вернёт нас к жёлтым абажурам.

Таятся в облаках неспелые дожди
И рано подводить ещё итоги,
И, этих облаков недели впереди,

Да и у нас дороги, да дороги.

Ни мартовские льды, ни вечные снега,
Ниobeliski под звездой жестяной
Не оборвут следы к пылающим кострам
К непройденным вершинам безымянным.

В 1972 году в районе падения Тунгусского метеорита будут работать четыре группы КСЭ-14 и моя «Тунгусско-чамбинская экспедиция» ТЧЕ-3 (70 + 1 человек).

«Если у кого появится желание, чем Чёрт не шутит, увидеть описанные мною места, звоните по телефону 3-69. Коханов К.П.»

Желания ни у кого тогда не возникло и мои путешествия в районы падения Тунгусского метеорита до 1976 года продолжались в одиночку.

Экспедиция 1972 года

Дневник 1972 года

Несколько слов о том, что представляет мой дневник 1972 года. С первого взгляда его можно принять за разрозненные записи, но, это просто его четыре части.

Причём в дневнике нет описания ни начала путешествия, ни его конца. Но как ни странно, а именно начало и конец своего путешествия я запомнил хорошо, а вот именно эти четыре части, оставили в моей памяти воспоминания, которые никак не совпадали в деталях. Когда я восстанавливал события того года по памяти, то сразу стало понятно, что некоторые части, настолько перепутались в деталях, что даже разные люди, стали сливаться в одно и то же лицо. Если с этим я с трудом разобрался, то с тем, как протекали дальнейшие события, то от них осталась по сути одна эмоциональная часть, которая никогда не претендует на документальность.

Сравнивая записи в дневнике с воспоминаниями, можно ещё раз убедиться, что всякие воспоминания, как и любой опрос свидетелей, это только перечень разрозненных событий, где не только время действия, но и конкретное место действия, очень редко соответствует действительности. Особенно, если эти события описываются спустя много лет, и чем дальше, тем не достоверней, и никакие письма, фотографии и справки уже никак не восполнят того, чем была наполнена повседневная жизнь, и какие тогда кипели страсти.

Первая часть, краткая с 12-го по 19-ое июля, с записями, которые я вёл в пути до верховьев реки Верхняя Лакура, связанная с определением своего местонахождения у третьего озера (Пеюнга-1).

Вторая часть, более подробная, охватывающая период с 20-го июля по 11 августа 1972 года, в которой записи делались позднее, происходивших тогда событий и только с 9 по 11 августа, судя по почерку, они уже синхронизируются по времени.

Третья часть, представляющая собой краткий хронометраж путешествия по реке Большая Ерёма, начиная с высадки в 9-45 с вертолётa на болоте, недалеко от её берега с 11 августа 1972 года по 19 августа 1972 года, до встречи с геологами.

Четвёртая часть, самая краткая, с 20 августа 1972 года, от начала выяснений отношений с Иваном Тимофеевичем и окончательной ссоры 21 августа 1972 года и до 25 августа 1972 года - вылета на почтовом самолёте из Ерёмы вместо Преображенки в Ербогачён.

12 июля 1972 года.

В 9-40 вышел из Ванавары от дома Александра Лазарева на Чамбинскую дорогу.

Явно перегружен. Уже находясь в тайге, вспомнил, что забыл туристические ботинки и вернулся за ними. Начало, не ахти какое. Ручейки, которые недавно ещё с лёгкостью перепрыгивал, теперь доставляли немало хлопот – теперь прыгать мешал тяжёлый рюкзак.

В 14-30, в конец измотанным пришёл на зимовьё Чамба. Принял решение избавиться в первую очередь от тяжёлых продуктов.

В 18-00, не пошёл, а можно сказать, дальше двинулся к устью Чамбы по берегу Подкаменной Тунгуски. Поднявшись от устья 3 км вверх по левому берегу Чамбы, перешёл её вброд.

В 22-30 снова вернулся, к устью Чамбы теперь уже по правому берегу и обосновался на ночь в охотничьей избушке, находящейся в мерах пятьсот от устья Чамбы на правом берегу Подкаменной Тунгуски.

13 июля 1972 года.

Дошёл почти до устья Верхней Лакуры, около какого-то болота свернул. Всё повторилось, как у Чамбы в позапрошлом году. Заплутал. Достал компас и через 1,5 часа достиг Верхней Лакуры, примерно в 2-х километрах от её устья. Прошёл берегом (Верхней Лакуры) где-то четыре километра. Избы не нашёл. Лёг спать на одной из отмелей. В километрах трёх от Верхней Лакуры нашёл интересный камень, напоминающий «метеорит». Волоку и его.

14 июля 1972 года.

Весь день шёл мимо живописных озёр по избузеломленному, часто заболоченному берегу. Выдохся. Построил шалаш. Просушился.

15 июля 1972 года.

Дошёл в 13-30 до озера Пеюнга-3 в форме запятой, имеющего в поперечнике около 1 км. Красота. Отщёлкал всю плёнку, начал новую.

В 20-00 дошёл по зимнику до охотничьей избушки. Принял решение отдохнуть здесь весь следующий день.

16 июля 1972 года.

Установил местонахождение избушки. Нашёл озеро Пеюнга-2. От основной тропы сделал зарубки к одной из живописных заводей (ориентиры квадраты и стрелка у тропы). Нашёл тропу вдоль верхней Лакуры. Разметил тропу к избушке, идущую южнее зимника (ориентиры на повороте квадрат с косой зарубкой сверху).

Перешёл Лакуру в километрах двух от Пеюнга-2. Нашёл зарубку КСЭ. На затёсе надпись: «Вещи не брать, скоро вернёмся. 25/7-59. КСЭ. Сделал с обратной стороны дерева зарубку в виде восклицательного знака, а на повороте с тропы Пеюнга-2 зарубку в виде стрелки по направлению к зарубке КСЭ.

17 июля 1972 года.

Приводил в порядок вещи, сделал копию карты, которую потерял где-то в трудно проходимом кустарнике рядом с поворотом к зарубке КСЭ.

Принял решение идти в два часа дня к Пеюнге-1. Дошёл до «лазаревской» избушки (назвал её так из-за листа фанеры на нарах, на котором было написано «Лазарев»). Принял решение переночевать в избушке у озера!?

18 июля 1972 года.

Определял расположение избушки на карте. Нашёл тропу на Ванавару. По тропе идущей на северо-запад прошёл пешком 3 часа, в конце концов, потерял её.

Километра два делал затёсы почти рядом с тропой, пока не надоело. Вернулся почти к исходной точке (где потерял тропу) и наткнулся на потерянную тропу. Прошёл по ней до бурелома и понял тщетность моих попыток достигнуть озера (Пеюнга-1) в этот день

19 июля 1972 года.

Опять «лазаревская» избушка. Итак, у какого я озера? Вчера нашёл затёс КСЭ-13, 1971 года, со списком фамилий, часть которых стёрлась: «Ронкина, ..., Проценко, Архипов, ..., Гуськова, Лобода, Барский».

Принял решение снова сходить к этому затёсу, так как тропа на северо-северо-запад, по всей видимости, на Муторай.

Установил, наблюдая с вершины хребта, что озеро, на котором стоит «лазаревское» зимовьё и есть Пеюнга-1.

Следовательно, обозначение направления тропы на карте вдоль Верхней Лакуры не соответствует действительности. Принял решение завтра идти к реке Сераньль вдоль хребта по направлению на север...

Оставалось для полной уверенности найти озеро Пеюнга-2. Поэтому пошёл вниз по течению Верхней Лакуры не по тропе, а её берегом.

Нашёл озеро Пеюнга-2. Оказывается, тропа в том месте обходило озеро за хребтиком, и я прошёл мимо озера, даже не предполагая, что оно может находиться именно там.

20 июля 1972 года.

Утром, около 10 часов, вышел к Пеюнге-1 со стороны ручья Пеюнга. Рядом с затёсом КСЭ-13, по направлению на хребет обнаружил затёсы. Думая, сверяясь с компасом, что это зимник по склону хребта и к тому же в нужном направлении, пошёл дальше, ориентируясь на них.

По пути из самых удобных точек снимал Пеюнг-1 на цветную плёнку. Вскоре выяснилось, что затёсы разбросаны бессистемно, на всякий случай, рукой блуждающего путника.

Сделал предположение, что они, по всей вероятности принадлежат группе из КСЭ-13, пробиравшейся в 1971 году к озеру.

Пожалев потерянное время, пошёл к Верхней Лакуре и уже по ней стал подниматься вверх.

Идти приходилось через трудно проходимый кустарник берегом речки, которая к тому же сильно петляла.

В ярко выраженной долине с очень крутыми склонами берегов, где речка практически исчезла под грудой тянувшихся лентой камней, на очень заболоченном участке, принял решение свернуть на северо-северо-восток и продолжать путь по компасу, придерживаясь этого направления.

Решение повернуть именно здесь, по направлению к хребту Лакура, принял к тому же потому, что я хотя и продвигался крайне медленно, но за два с лишним часа пути, подумал, что всё-таки можно было пройти 5 километров.

Когда я в качестве проводника привёл на Заимку группу помощников для Джона Анфиногенова, заодно перебросил туда часть продуктов, он, прикинув мой маршрут по

аэрофотоснимку местности, примерно в этой точке, рекомендовал свернуть на северо-восток, чтобы обойти Большое лакурское болото справа.

Хотя склон горы был достаточно крут, у меня не было полной уверенности, что передо мной именно высота «485» и поэтому, перестраховываясь, пошёл дальше, придерживаясь направления, немного северней северо-востока.

Подъёмы и спуски чередовались около трёх часов. Очень хотелось пить, но совсем казалось близко с таким обширным болотом, признаки воды проявлялись только в чуть влажном торфе.

В одном месте я всё-таки решил докопаться до воды, но под торфом оказалась мерзлота. Через час наткнулся на болотце, вокруг которого были явные признаки старой гари, а это уже было опознавательным знаком Большого лакурского болота, которое минут через двадцать, во всей своей красоте, раскрылось передо мной.

Это был самый трудный участок маршрута, за всё время моего путешествия.

Отдыхать приходилось через каждые 50-100 метров и весьма основательно по 5-10 минут, потому что ноги проваливались в мох, и идти в нём приходилось нередко и по пояс, и глубже, всё время, ощущая под подошвами воду.

В итоге, наиболее, казалось, рациональные участки болота с высокими торфяными валами, пришлось исключать, как самые непригодные и, плюнув на всё, вопреки здравому смыслу, идти, казалось бы, по самой трясине.

Но идти, ощущая под ногами покачивающую чёрную студнеобразную массу, подёрнутой слегка зелёной ряской, было всё-таки значительно легче, и это пересиливало страх, что можно провалиться, практически без шансов тогда вообще вылезти из этого болота.

Перед тем как достигнуть болота я всё время шёл практически на север, по направлению на горную систему из четырёх плохо выраженных вершин с очень заметным скатом на восток, и не сразу понял, что передо мной далеко на горизонте и есть хребет Лакура. Вторую его вершину, по направлению на восток, принял за высоту «521». Стрелка компаса показывала на плохо выраженную долину между третьей и четвёртыми высотами, ближе к последней, и я, больше не сверяясь с компасом, дальше шёл, ориентируясь только на неё.

Пройдя болото, остановился на ночлег на самом его краю, рядом с тропой, идущей на северо-запад. В этой точке на ближайшей листовнице сделал затёс с направлением на колодец, который я вырыл в первую очередь, как только ступил на твёрдую землю.

21 июля 1972 года.

Продолжал движение на север до тех пор, пока не достиг долины с ручьём. По крутизне скатов долины, по их протяжённости с юга и севера, понял, что высота «521» мной была определена точно. Оставалось только определить что это за ручей – река Сераныль или её правый приток. После того как я достиг пересечения, этой исходной базовой долины с долиной, которая тянулась по направлению почти на запад, стало ясно, что этот ручей и есть река Сераныль и теперь уже точно установил своё местонахождение на карте.

Идти сразу стало легче. К тому же еле приметная тропка, на которую я вскоре наткнулся, идущая в нужном мне направлении, кое-где хорошо напоминала охотничью тропу, что тоже было как нельзя кстати. Дальше были река Чавидакон, в которую впадала река Сераныль, а затем и река Хушма, у которой Чавидакон, сам был правым притоком. Пройдя берегом Хушмы около километра, и чувствуя сильную усталость, решил, остановится на ночлег.

22 июля 1972 года.

Проснулся от ударов редких капель дождя. Отругал себя за то, что не дотянул каких-то 12 километров до «Пристани на Хушме». Ну, как говорится, укуси локоток! Дождь переждал под лиственницей, а потом по берегу Хушмы опять двинулся к избе. Комары наседали, словно чувствовали, что кончается их праздник.

Идти было очень трудно не только оттого, что я быстро вымок а оттого, что берег реки, был большей частью или избузеломлен, или заболочен, или очень крут.

Приходилось часто делать весьма нежелательные зигзаги. Мешал, то и дело, цепляясь за стволы деревьев большой лосиный рог, который я нашёл вчера на Сераныли и поэтому только часов в пять вечера, достиг «Пристани на Хушме».

Там я встретил одних женщин, которых весьма поразила моя сильно искусанная комарами физиономия. Разговорились. После десятидневного молчания тянуло философствовать, как алкоголика к водке.

Узнал, что за время моего отсутствия, Джон Анфиногенов нашёл «метеорит», но это было сказано каким-то весьма недоброжелательным тоном, что мне пришлось показать тоже свой «метеорит», найденной мной на Подкаменной Тунгуске, не побоявшись оказаться в ещё более смешном положении. После сушки и ужина, хотел пойти вместе с женщинами на Заимку, но тут подошла группа ребят, как выяснилось, топить баню и я решил остаться. Среди них оказались, мои знакомые - Саша, и Валера, которых я привёл на Заимку, в начале своего путешествия.

Начал помогать ребятам, пилить и колоть дрова. Мытьё в этой бане, наверно, долго не забуду. То и дело я вылетал наружу, чтобы немного отдышаться, а потом лез в неё снова. Ребята тоже оказались не стойче меня. В бане было очень много дыма и когда по моему предложению, из печки, сооруженной из бочки от бензина, обложенной камнями и раскалённой докрасна, мы выкинули горящие поленья, дело пошло на лад, особенно после того, как я окунулся в Хушме.

Первый раз лезть в реку было как-то боязно, но я пересилил себя и, затаив дыхание, всё-таки окунулся. Сразу обожгло холодом, но, теперь бегая, от бани к Хушме и обратно я окончательно отмылся от всей налипшей на меня почти за месяц грязи.

Конечно, я не знал, как топить баню, но и ребята оказались в этом деле чистыми дилетантами, и тоже, как выяснилось, никогда этим делом не занимались. Пришедшие, через час после нашего кошмарного мытья, на Хушму студентки, когда из бани выветрился весь дым, и прогорели в печке все угли, действительно получили от мытья в ней одно удовольствие. Оказывается после того, как баня протапливается, мыться в ней начинают не раньше чем через два часа.

Я хорошо запомнил, как двое ребят вошедшие в неё первыми, заняли элитные места, а мне пришлось обосноваться напротив топки, в которой полыхали дрова, и не мудрено, когда меньше чем за полминуты почувствовал, что как будто у меня начала слезать кожа. Ребята продержались в два раза дольше, но тоже, когда выскочили из бани, напоминали варёных раков.

Разумеется, в тот день идти на Заимку уже не хотелось, и я остался ночевать с Валерой, Сашей и присоединившимся к нашей компании Владиком, в избе на Хушме.

23 июля 1972 года.

По-собачьи (быстро) позавтракав чаем с сухарями с Валерой и Владиком, я, наконец-то, пошёл на Заимку. Саша ушёл раньше, наверно чувствуя, что здесь накормят не скоро.

Там от Ларисы, жены Джона Анфиногенова, я узнал, где находится «метеорит». Поднявшись на гору Стойковича с ребятами, я увидел его почти откопанным. Рядом с ним копошились Джон и Саша.

Камень производил впечатление и «чтобы это не было, - сказал я Джону, - это намного интереснее «шариков», которыми бредит Васильев, так и не удосужившийся даже взглянуть на этот уникам».

Поинтересовавшись моими планами в будущем, Джон очень обрадовался, что может рассчитывать на мою помощь до достижения полной ясности в происхождении раскопанного им камня.

С собой на вершину горы я захватил листок из книги Б.И.Вронского «Тропой Кулика» с опубликованной там фотографией камня Янковского. Сразу бросилось в глаза похожесть и если не ретушь, кто его знает, может быть, тогда была бы обнаружено его полное сходство с камнем Джона Анфиногенова.

Затем, пообедав внизу, я снова поднялся на гору Стойковича, прихватил с собой и свой «метеорит», который на фоне серо-голубоватого «метеорита» Джона, выглядел обыкновенным булыжником.

Со мной пошли Валера и Владик, который передумал идти на озеро Чеко. С собой мы захватили медные и стальные штыри с заострёнными концами, верёвку и из полиэтиленовой плёнки тент.

Мне пришла в голову мысль накрыть на всякий случай от дождя, место раскопок Джона, с чем он согласился.

Я, поговорив с Джоном, решил начать зондировать штырями грунт с северной стороны. Мы натянули верёвку по направлению на север и принялись за работу. В местах, где штыри натывались на гальку, мы рыли шурфы. Вскоре стало очевидно, что мы занимаемся бессистемной ерундой, и чтобы день был окончательно не потерян, в конце его, вырыли шурф на месте, где Джон нашёл осколок от своего камня, примерно в 5 метрах, от места своих раскопок.

Там мы нашли два осколка. А на следующий день я принял решение копать вокруг «метеорита», с чем Джон согласился, но только не ближе 10-20 метров от него.

24 июля 1972 года.

Где-то около десяти поднялись вчетвером (Джон, Лариса, Саша и я) на гору Стойковича. Валера с Владиком ещё спали.

Я пошёл рубить березовые колышки для разметки окружности. После того как колышки были нарублены мы втроём произвели разметку и я с северной стороны начал копать.

Пришли Валера с Владиком и начали помогать мне, но до обеда мы так и не шли ни одного осколка.

Во время обеда Саша и Валера стали обсуждать завтрашний уход в Ванавару.

Джон был расстроен. Мне было всё равно. В конце концов, Джон, прихватив двустволку пошёл с Сашей копать свой камень дальше. За ними поплёлся я, а за мной Владик.

Участок оказался интересным, так как через несколько минут после начала Владик нашёл довольно крупный осколок и я два маленьких на противоположном конце.

Чтобы ускорить продвижение, я решил прорубить весь участок топором и чуть приподнять его лопатой.

В одном месте, почти в центре участка, лопата провалилась в песок. Вывернув в этом месте дёрн и проворошив его, я стал устанавливать направление залегания песка. Участок оказался очень узким, и я решил установить его границы. После того как кое-что прояснилось, я позвал Джона. Но Джон с Сашей в это время были заняты извлечением какого-то очень интересного обломка, так что мне пришлось начать послойно снимать грунт одному.

В это время пришёл Валера и стал помогать ворошить торф. Джон тем временем освободился и с нетерпением ждал результата, а потом, взяв у меня лопату и..., показался сразу же большой со сферической поверхностью обломок, за ним другой.

А потом, в торфе, уже вывороченном перед этим нами, Владик нашёл третий обломок.

Видя, с каким нетерпением ребята набросились на мой участок, я остановил Джона, предложив продолжать раскопки утром. Джон согласился, так как хорошо понимал, что в спешке можно наделать очень много глупостей.

Настроение у всех поднялось. Было очевидно, что этот осколок явился причиной образования этого «песка». А это уже что-то значило. Камень Джона Анфиногенова стал приобретать очертания Тунгусского метеорита.

Во время падения «метеорита», раскалённый осколок выжег грунт, и нахождение этого участка уже было крупным доказательством неземной природы «камня Джона Анфиногенова».

При подходе к избам Джон салютовал из двустволки. Лариса, узнав, в чём дело, поздравила меня. Все были возбуждены до предела. Саша с Валерой, чувствуя какое дело приняло оборот, решили остаться до 31 июля.

Во время ужина все, чувствуя необычность этого дня, решили его отметить.

Завхоз выделил бутылку, припасённого на особый случай вина и хотя каберне не шампанское, это никак не повлияло на торжественность момента.

Потом говорили о КСЭ. Много говорил Джон обо всей мелочности придирок и упрёков, которые высыпались на его голову за время его пребывания в ней.

- Так, что же, - сказал я Джону, - и сейчас готов повторить, что сказал твоей жене вчера – что это всё-таки самый лучший вариант, что метеорит найден именно тобою.

Джон с улыбкой ответил, - что так и должно было быть, так как я уже его начинал чувствовать. – Ведь с каждым годом увеличивалась вероятность, что я его найду.

25 июля 1972 года

Сегодня встал пораньше. Закончил писать дневник и черновой вариант песни о «ванаварских тротуарах». Потом, услышав звон посуды около костра, решил помочь готовить завтрак. Около костра один молодой парнишка кипятил чай.

Настроение было отличное. Парнишка предложил чаю. Я отказался и, увидев гору немой посуды, начал её мыть, предварительно вскипятив воду.

Встал Саша, и мы с ним влезли в лабаз, где набрали гречки строго с той нормой, которая была вывешена там.

Когда все встали, она была почти готова. В голове у меня ворошилась целая серия идей относительно выжженной осколками площадки, и я по очереди выкладывал их перед Джоном, который реже соглашался, чем опровергал.

После завтрака Джон сказал, что нужно выложить берёзовую звёздочку на болоте. Оказывается, она предназначалась для пожарников, которым Джон был многим обязан. В этом году они доставили его с женой на Заимку, так как после перенесённой несколько месяцев назад операции, она ещё чувствовала себя не совсем уверенно.

- Вот, если найду метеорит, первым делом выложу звёздочку на болоте, специально для Вас, – обещал тогда, прощаясь с ними, Джон.

Звёздочку выкладывали почти все, кто был на Заимке.

Когда она была выложена, было решено сфотографироваться в ней. Во внутрь звёздочки вошли мы с Джоном, его жена и зачем-то Вика, которая к метеориту не имела никакого отношения и находилась на Заимке неизвестно зачем.

Остальные встать рядом постеснялись, но я всё-таки сфотографировал в звёздочке Владика, который с таким усердием помогал мне.

И вот мы опять на горе Стойковича. Весь упор сделан на мою площадку. Джон делает дальнейший обкоп и обмер, а я в нескольких метрах рядом ищу новые осколки...

Через несколько часов пришла наша завхоз Мося и сказала, что ко мне с Кимчу пришли москвичи. Вскоре они были здесь.

Я попросил их не очень мешать раскопкам и не заходить за сооружённый Джоном барьер.

Когда я начал рассказывать им о ходе работ и о том, что этот камень (Джона Анфиногенова), по всей вероятности может оказаться метеоритом, благодаря вот этой площадке, которую нужно снять первым делом, Джон возмутился, что всё нужно начинать с его камня. Я возразил ему, аргументируя тем, что всё начинать, следует с него самого.

Джон продолжал работать на площадке, а я между делом подходил к ребятам и отвечал на их вопросы. И тут я обратил внимание, что к моим ответам на вопросы прислушивается с явным вниманием Джон. Он провожал меня глазами, когда я подходил к кому-либо из геологов, и мне показалось, что ему вдруг стало не до работы.

Правда, я не сразу придал этому значение. Расспрашивая о планах на будущее, я стал приглашать ребят остаться у нас на день или хотя бы отобедать. Но их очень заинтересовала на горе Стойковича галька, и они попросили у Джона разрешение на копку шурфа.

Джон не возражал и даже предложил копать его у самого камня.

Коля с Таней сразу же приступили к делу, а Володя попросил показать ему мой шурф, который я выкопал в 40 метрах от камня Джона, где он и продолжил раскопки.

Когда время подошло к обеду, Джон сказал, что мы все можем идти, а он ещё поработает. Я посмотрел на него с удивлением.

- В таком случае останусь и я, - почти с раздражением в голосе, прозвучал мой ответ Джону.

- Ладно, пойдём все, - сказал Джон и стал звать геологов.

Геологи были заняты работой, как они выразились, «которой осталось на двадцать минут».

Все начали спускаться вниз, а Джон сел на бревно и стал смотреть в сторону геологов.

Мне стало не по себе, но я уселся рядом.

- Ну, ладно пойдём, - сказал Джон, вставая через несколько минут.

Когда мы с ним начали спускаться с горы Стойковича, он начал допытываться о том, зачем мне всё это нужно:

- Ты знаешь о Коненкове? – спросил он у меня, - учителя из Преображенки, который хотел найти метеорит с единственной целью, чтобы получить Нобелевскую премию. – Правда, он не мог обходиться без людей. – Этот человек мог принести много пользы, так как хорошо знал эвенков, но замкнувшись в себе, в конце концов, спился и погиб.

- А вот ты, как ни странно, что меня очень удивляет, обходишься без людей.

– И так зачем тебе это нужно? – снова спросил Джон, подчёркивая, что это его интересует, как социолога.

Я был ошарашен этим неожиданным вопросом, но ответил, - «что, во всяком случае, это мне нужно, не из-за Нобелевской премии».

Настроение у меня, окончательно испортилось, и подошедшие к нам, вскоре геологи, сразу почувствовали это. Разумеется, стали интересоваться, в чём дело.

Лгать не хотелось. Объяснил положение вещей. Обед прошёл вяло. У Джона почему-то тоже пропал аппетит.

Когда Джон ушёл, геологи стали приглашать меня к себе на Кимчу.

- Поплывёшь с нами, - шутили они, - а метеорит мы тебе будем запускать каждый вечер из ракетницы.

Я колебался, но когда пошёл их провожать, принял решение покинуть Заимку. На болоте мы расстались и уже ненадолго.

Джона, крайне удивило моё решение уйти, но к счастью он больше не задавал вопросов.

На прощанье я подарил ему книгу Б.И.Вронского «Тропой Кулика», а Джон в свою очередь, один из кусков своей глыбы, но этот подарок меня мало трогал.

Спускался с горы Стойковича, я чуть не плача. На Заимке, собрав быстро рюкзак и захватив «сераньельский» лосиный рог, пошёл по тропе по направлению на озеро Чеко. Проходя около импровизированного «жертвенника», положил этот рог на память Богу Огды.

По дороге на озеро Чеко, догнал Серёжу с Таней, которые шли на Кимчу, предварительно обследовав Южное болото. Голоса и стрельба наполняли своим шумом тайгу, так что терялось ощущение пребывания в этом заповедном месте.

Всё это смахивало на Подмосковье и кульминацией, этого праздника жизни, была взвившаяся над тайгой зелёная ракета.

Втроём мы быстро дошли до Кимчу. Коля и Володя сразу засуетились у костра.

Вскоре мы пили чай и делились впечатлениями этого противоречивого дня.

Руководитель группы геоморфологов Николай, кого-то напоминал, и при том хорошо знакомого мне человека. Наконец, до меня дошло, что он очень похож на артиста Ланового, о чём я и сказал ему, перед тем, как мы сели пить чай.

Николай сказал, что он действительно похож, но только на «ломового» и эта, сделанная им самооценка своей личности, вызвала дружный смех.

26 июля 1972 года.

Утром, пристреляв ружья и загрузив 500-килограммовые резиновые лодки снаряжением, мы отплыли по направлению на озеро Чеко, до которого было километра четыре.

Вскоре показалась охотничья изба. Мы сошли на берег. Ребята подошли к Н.В.Васильеву, а я пошёл к озеру, чтобы иметь о нём лучшее представление.

Озеро Чеко уступало Пеюнге-3, к тому же оно оказалось зарастающим.

Наглядевшись на озеро, я тоже подошёл к Васильеву, который сразу меня узнал.

Опять Васильев стал меня отговаривать от путешествий в одиночку, приведя какой-то весьма тёмный пример с гибелью одного инженера в этих местах.

Я улыбался, ссылаясь на то, что эти путешествия уже позади.

Володя, как физик поинтересовался состоянием дел. Васильев оживился, пошёл в избу, взял там большой лист миллиметровки, где была изображена координатная сетка с центром на Заимке, покрытая разноцветными кружками. Цвет кружков говорил о количестве «шариков» в пробах и определённая последовательность увеличения их количества, внушала оптимизм.

Васильев дал понять, что для того, «чтобы установить полноту картины, нужно покрыть лист с такой частотой, на которую потребуется несколько лет».

Но самая большая трудность для него заключается, оказывается, в том, «что силикатные шарики, кроме всего прочего, образовывались во время торфяных пожаров. А торфяные пожары в этих местах не такая уж редкость».

Пока мы с Володей говорили с Васильевым, Серёжа с Косолаповым возился с движком (бензогенератором), выход из строя которого, грозил сорвать работу, но и Серёжа не мог здесь ничем помочь.

Почти не принимая участия в разговоре Васильева с Володей, я почувствовал, что меня начало тянуть ко сну. Наверно я бы и заснул, но тут Володя задал вопрос, который сразу отогнал охватившую меня дремоту:

- Извините, но я что-то не понимаю, - указывал Володя на карту с местами взятых проб, - почему в некоторых местах пробы брались вами так часто, а в некоторых не брались совсем?

Васильев, как мне показалось, растерялся и не сразу ответил, но его ответ поразил меня, тогда думаю сильнее даже того, если бы кто-нибудь, сзади ударил меня, обухом топора по голове:

- Понимаете, там произрастает такой вид мха, который мы не можем датировать...

Я закашлялся, и быстро отошёл от стола, чтобы Васильев не заметил, что мне трудно сдержаться, чтобы не заржать, как лошадь.

От обеда, помня «анфиногеновский приём», ребята отказались.

Прощаясь с Васильевым, я всё-таки предложил ему подняться на гору Стойковича и посмотреть на «камень» Джона Анфиногенова, который после моей находки не исключает вероятности, что он действительно имеет отношение к Тунгусскому метеориту.

Когда мы огибали мыс, чтобы снова продолжить сплав по Кимчу, Серёжа, увидев на нём трёх амазонок из КСЭ, предложил пристать к берегу и искупаться.

Предложение было принято. Девчонки стали приглашать отобедать у них. После недолгого совещания мы решили этот вопрос положительно.

Володя с Колей пошли промывать шлих, а мы с Серёжей плескаться в озере.

Обед затянулся ввиду крайней не квалифицированности общественных поварих.

Когда мы покидали озеро Чеко, было ясно, что этот день был окончательно потерян.

Было решено, что Володя с Колей возьмут в районе озера Чеко несколько проб, а мы (Серёжа, Таня и я) спустимся немного вниз, где, найдя приличное место для стоянки, будем разбивать лагерь.

Километрами четырьмя ниже, мы нашли удовлетворительное место и к тому времени, когда вернулись Коля с Володей, у нас была поставлена палатка и всё готово для ужина.

27 июля 1972 года.

Место для стоянки представляло собой сильно вытянутый мыс, который с одной стороны окаймляла старица, а с другой собственно сама река.

Здесь мы простояли целый день. Ребята уплыли за пробами, а я, приготовив обед и дождавшись одну из групп, сделал вылазку в один из подозрительных ближайших районов, где даже провёл кое-какие раскопки «лисей норы». Но об этом я узнал только благодаря Серёже, которого я попросил мне помочь, и который обнаружил рядом с ней ещё несколько подобных «метеоритных воронок».

Самое главное же в этот день было то, что перед тем, как отправится за пробами, Коля попросил меня, вырыть в тени «холодильничек» (ямку до мерзлоты) и положить туда, успевшее подтаять, сливочное масло.

Как только ребята уплыли, я взял лопату и отправился к одной из больших берёз и начал копать яму. Но, только откинув дёрн, сразу же наткнулся на тот же самый белый «песок», который я обнаружил на горе Стойковича и который воспринял, как продукт воздействия на грунт, упавшего там, раскалённого космического тела.

Как истинный исследователь, которого уже начинал разбирать смех, я подошёл к другой березе, стоявшей в нескольких метрах от первой и начал копать там. Вскоре я наткнулся на такой же «песок». У третьей берёзы было то же самое. Никогда я ещё так не смеялся над собой, и когда ребята вернулись, то своё хорошее настроение, объяснил тем, что принял за метеоритную воронку «лисей нору» и только благодаря Серёже, не продолжаю её раскапывать до сих пор. То, что Джону Анфиногенову теперь придётся очень долго доказывать, что его «камень» является Тунгусским метеоритом», я уже не сомневался, но своей «радостью» с московскими геоморфологами решил всё-таки не делиться, и сохранить это «открытие» в тайне.

28 июля 1972 года.

Достигли первых перекатов. Ловили хариусов. Поймали что-то около ведра и даже на жарёнку.

Кто-то из ребят спросил меня, ел ли я когда-нибудь «талу», сырую рыбу. Я сказал что нет и тогда первого снятого с крючка хариуса, сразу же разделали (почистили, разрезали на ломтики и слегка посолили) и тут же предложили мне попробовать. Не без некоторой опаски я взял ломтик рыбы и откусил маленький кусочек. К моему удивления вкус рыбы напоминал вкус малосольной селёдки и если бы я не видел весь «процесс» её приготовления, то никогда бы не догадался, что это сырая рыба. После того, как я съел всю рыбу, мне сказали, - если бы это был таймень, то вообще бы не почувствовал, что эту

рыбу только что вытащили из воды. Почему эвенки едят сырую рыбу у меня больше не вызывало удивления, - сырого хека или морского окуня, они бы точно есть бы не стали.

Ночевали на изумительной косе, которую окружали заросли красной смородины, напросившейся к нам в компот.

Путешествие проходило нормально, если не считать, что отсутствовала радиосвязь, а продуктов оставалось дня на три. Вертолётom не пахло.

29 июля 1972 года.

Продолжали плыть вдоль ущелья. На перекатах ловили хариусов, но клёв был хуже, чем вчера.

На одном из перекатов, у самого берега, где был небольшой водоворот, отклеившаяся заплатка на нашей лодке, привела к спуску воздуха из одного её бортов (отсеков), и мы (я, Серёжа и Татьяна) на ней сначала сильно накренились, а затем, неожиданно, перевернулись.

Получилось так, что перед тем, как лодка перевернулась, я съехал с неё в реку, и мои ноги устойчиво зафиксировались на дне. Поэтому, пока ребята ещё барахтались в воде, я смог удержать лодку и прижать её к берегу. А когда уже решил выйти на берег, то заметил в воде, что к сапогу прилип какой-то полиэтиленовый пакет с бумагами и я его быстро поднял. Оказалось, что, когда мы подплывали к перекаату, Татьяна достала карты и аэрофото снимки местности, чтобы уточнить места для дальнейшего взятия проб. Карты у неё остались в руке, а пакет с фотоснимками был смыт водой, и они сразу же оказались на дне. По какой-то случайности их там отнесло течением прямо на мой сапог. Это больше всего возмутило руководителя группы Колю, и если бы не моё присутствие, то не знаю, как он тогда бы выразался по этому поводу. Его можно было понять, что и карты и аэрофото снимки являлись секретными документами, и какие у него потом могли быть неприятности, даже трудно себе представить.

Володя с Колей в это время находились в километрах в двух, где копали шурф и не подозревали об этом.

Провозившись полчаса, окончательно вымокнув, еле собрав почти все вещи и утопив спиннинг, мы приняли решение вдвоём с Таней идти вдоль берега к Володе с Колей, а Серёже предстояло заклеить лодку и ждать помощи.

Через полчаса мы уже разговаривали с Колей. Коля предложил нам с Таней плыть на его лодке и искать место для ночлега и приготовить всё для ужина. В километрах трёх ниже мы нашли подходящую площадку. Прошло часа два. Послышались выстрелы и мы вдруг увидели подплывающую лодку, которой управлял один Серёжа.

Оказывается, никого не дождавшись, Серёжа решил плыть один.

Минут через двадцать пришёл Коля и крайне удивился тому, что Володя с Серёжей разминулись.

В этом ничего не было удивительного, так как Володя, по всей видимости, срезал один из изгибов реки, чтобы сократить путь, в то время как Серёжа проплывал по нему.

Коля несколько раз выстрелил из ракетницы, а Серёжа из ружья. Минут через сорок пришёл Володя, сильнее искусанный комарами, чем утомлённый этим бессмысленным переходом.

Обед прошёл натянуто. Было не до шуток, так как по-прежнему отсутствовала связь, и катастрофически обстояло дело с продуктами.

Тут только до меня стало доходить, что я расхолаживаю рабочую атмосферу, что явно не входило в мои планы, кому-то мешать в каком-то полезном деле. Это было выше моих сил.

30 июля 1972 года.

Коля с Таней уплыли за пробами, а мы втроём досушивали снаряжение, чинили лодку, и затем загружали её снаряжением.

Я чувствовал какую-то вялость, которая очень медленно переквалифицировалась в апатию, и всё как-то сразу стало безразличным.

Это бывало со мной всегда, когда я чувствовал себя не в своей тарелке или в отношении себя какое-то покровительство, смахивающее на одолжение.

В этот день мы прошли два эффектных геологических отложения горных пород.

Володя много снимал кинокамерой, а я жалел, что после «незапланированного» купанья, мой фотоаппарат вышел из строя.

После второго геологического отложения был завал. Серёжа предложил перенести вещи по берегу, но я убедил его, что проще прорубить дорогу.

Деревья были толщиной до 35 сантиметров, но рубились легко, так что через минут сорок мы сделали в завале необходимый проход.

В поведении Володи и Коли чувствовалась еле скрываемая раздражительность, когда мы с Серёжей пробовали оптимистически описывать дальнейший путь. У этого завала я сказал Серёже, что завтра покидаю их, так как атмосфера взаимопонимания начинает портиться.

Серёжа не отговаривал - у него на душе, как мне показалось, было то же самое.

В километрах двух после завала мы разбили лагерь уже на кем-то покинутой стоянке. Нигде и никогда я не видел столько смородины и такой крупной и в таком изобилии, как здесь.

Это немного развеяло мои грустные мысли. Завтрашний день был днём рождения Тани. Ей исполнялось 20 лет. Я взял котелок и углубился в заросли красной смородины и до тех пор, пока меня не позвали ужинать, собирал её там.

31 июля 1972 года.

В этот день я долго думал о подарке. Ничего у меня не было подходящего для этого случая. Оставался только один «метеорит» (обломок №127, подаренный мне Джоном Анфиногеновым). Я взял топор и обухом отколол от него кусок с полкилограмма, а оставшиеся при этом осколки отдал Коле с Серёжей.

С утра Коля подстрелил глухаря, так что жаркое нас не беспокоило.

В этот день, даже я, сходил на охоту. На одной поляне увидел в нескольких метрах от себя сидящего низко на ветке рябчика с поднятым хохолком и показавшего мне большой птицей. Промahnуться с такого расстояния было невозможно. Я спустил курок, раздался выстрел, и эта красивая птица рухнула на землю. Когда я поднял рябчика, то оказалось, что он до того маленький и жалкий, что мне стало стыдно, что я, не задумываясь, оборвал его жизнь. Стало не до охоты, и я со своим «трофеем» сразу же вернулся в лагерь.

Ребятами суетились над приготавливаемыми яствами. Незаметно прошёл в хлопотах весь этот день.

И вот сделаны подарки, хлопнула пробка румынского шампанского, которое для этого случая Серёжа купил в Ванаваре. Произнесены первые тосты. Затем пили разбавленный спирт уже без тостов, забыв, зачем и по какому поводу собрались.

Потом вообще разбились на пары – Коля стал что-то обсуждать с Володей, а я разговорился с Серёжей. У каждой пары была своя тема для разговора. В итоге Татьяна махнула на всех нас рукой, и отправилась мыть посуду. Иногда кто-то предлагал ещё выпить, но общего разговора всё равно не получалось.

Наконец я почувствовал, что в меня больше не влезет и, не обращая внимания на уговоры, бросил это лишнее для путешественника занятие. Всё равно я, кажется, перебрал.

Извинившись, я вышел из палатки и устроился у горящего костра, на берегу Кимчу.

В палатке же по-прежнему продолжали перемываться кости начальства, потерявшего совесть, радистки (в Ванаваре), которая, по всей видимости, больше думает о танцах, чем о бедных геоморфологах из Москвы и как логическое завершение, там также коснулись и моих костей.

Я был далёк от мысли, чтобы обиться. Сколько раз сам в подобном состоянии, я ловил себя на слове, что меня так и подмывает сесть, на этого любимого всеми конька, на котором так и тянет прокатиться подвыпившего человека.

Из палатки вышел Коля. Начал зачем-то оправдываться, но я прервал его монолог, безразличным жестом, давая понять, что это всё ерунда, а главное чай, который должен вот-вот закипеть.

Все перебрались к костру, и всё дальнейшее расплылось в тумане сна. Сквозь сон проходила тонкой ниточкой, связывающая меня с действительностью мелодия моей давно написанной песни:

«К земле усталостью пригвозженный,

Когда дремотою объят,

Прижмусь к костру,

в штормовке прожженной,

Как будто делаю обряд...»

Проснулся я от Серёжиного голоса с другого берега реки: «Костя, как я здесь оказался и к тому же совершенно сухой?»

Перевезя Серёжу в лодке на наш берег, который в честь Тани мы назвали «Гатяниным берегом реки Кимчу», я вспомнил, что во время разговора в палатке, когда большая часть разбавленного спирта уже была выпита, Серёжа неожиданно стал заряжать ружьё, и сказал, что пойдёт поохотиться. За ним следом вышел и я, и только теперь вспомнил, что у костра мы пили чай без него.

Серёжа, поднявшись вверх по реке до переката, через который по камням и валунам было легко, не замочив ног, перейти на другой берег, зачем-то перешёл реку, а затем, наверно, он перестал соображать, где находится, и пошёл назад по противоположному берегу.

Серёжа пошёл ночевать в палатку, звал туда и меня, но у догорающего костра, я чувствовал себе сегодня как-то уютней, если не сказать, что очень хорошо.

1 августа 1972 года.

Меня никто не отговаривал. События последних дней подтвердили бесполезность подобных мероприятий. Ребята написали письма своему начальству и домой, предупредив меня, что их судьба теперь «в моих руках».

Потом, московские геоморфологи решили мне вернуть оставшиеся от моих продуктов три банки тушёнки, но я отказался, сказав, что через три дня буду в Ванаваре, а им ещё неизвестно, когда начальство забросит продукты, так что они им нужней, чем мне.

Часа в четыре дня мы расстались. Они поплыли дальше, а я берегом Кимчу пошёл назад.

Перед этим с двух клочков карты местности, переснятых на кальку, я сделал одну.

Работу по перенесению этих клочков карты, на один общий лист кальки, я сделал крайне небрежно. Один из листочков оказался перевёрнутым на 180°, а дальше всё пошло по Кузьме Пруткову.

Не смотря на то, что здравый смысл говорил, что я иду правильно, карта указывала мне, что нужно идти по противоположному берегу. Поэтому в конце одного из перекатов, где легко было перейти речку вброд, я перебрался на противоположный берег, о чём впоследствии очень пожалел.

Озера Чеко я достиг часа в два ночи. Последние километры, пришлось идти под дождём, а затем - в тумане.

Конца пути не было видно, хотя, совсем рядом, казалось, до меня доносились удары топора, и ревел двигатель.

Показалось озеро Чеко. Пройдя вдоль его берега к реке, я услышал на противоположном берегу голоса. Крикнул. Меня услышали и минут через пятнадцать перевезли в лодке через реку.

Перевозил Васильев-младший. Когда мы плыли, поинтересовавшись, как прошла его экспедиция по реке Тэтэрэ, и не остался ли в обиде хозяин лодки, я успокоился, так как в деле с лодкой я был не последней скрипкой и даже ручался за этих «трёх Володек», что они его не обманут.

Выспаться в этот день не удалось, так как всю ночь пришлось сушить вымокшую одежду. Под утро попробовал вздремнуть, но вскоре понял всю тщетность этих попыток.

2 августа 1972 года.

Встретился с Н.В.Васильевым, который был рад, что я успел к общему сбору. Я сказал, что вряд ли останусь, так как у меня письмо от московских геоморфологов, терпящих голод, как физический, так и творческий.

Васильев рассказал мне, что на Заимке появился некий майор авиации (Иван Тимофеевич), со странной идеей, где и как искать Тунгусский метеорит.

Оказывается, он застал самый конец войны. Видел даже как недалеко с местом, где располагалось его военное училище, немецкий самолёт сбросил бомбу. Он бегал посмотреть на образовавшуюся воронку, и хорошо помнит, как осколки бомбы поразили стволы стоявших рядом деревьев. Вот он и решил искать Тунгусский метеорит не на земле или в болотах, а в тайге на столах деревьях, так как, если метеорит действительно взорвался, то его осколки, должны были, как и бомба, поразить деревья таким же образом. Рассказывая мне это, Васильев не мог скрыть улыбки, но отметил, что всё-таки очень благодарен этому майору, хотя бы за то, что он помог починить бензогенератор, и,

благодаря этому, работу лаборатории на озере Чеко, не пришлось сворачивать раньше времени.

Собрав рюкзак и взяв, пойманную студентами рыбу, для общего сбора КСЭ, я пошёл на Заимку, но по дороге туда опять попал под дождь.

Место было открытое – болото, так что вскоре, я снова вымок до нитки. Идти в этот день в Ванавару уже не имело смысла. Я остался. Развесил около командорской избы свои вещи и стал без дела бродить вокруг суетящейся публики.

Затем совесть взяла верх, и я пошёл чистить картошку. Добросовестной работой, я реабилитировал себя, (то есть привёл себя в норму) окончательно. Медленно отступала хандра. Я уже не смотрел так мрачно на окружающих и даже познакомился с Иваном Тимофеевичем Рысенко, поначалу показавшимся мне охотником-любителем с некоторыми претензиями на метеорит.

Часа два, мы готовили с ним суп. Потом он поинтересовался, не хотел бы я отправиться с ним на Большую Ерёму.

Я не имел представления об этой реке и отказался, сославшись на то, что река Дилюшма меня интересует больше.

Прилетели пожарники, которых отвели к Джону смотреть его «метеорит».

Спустя некоторое время, когда все собрались, началась «конференция», в которой полностью отсутствовала научная часть. Выступил, читая очередной «курумник», Васильев, где в мой адрес сказано было нечто местное. Я назначался председателем комиссии одного щепетильного дела «Где Лакура?» В этом году Антонов-младший её не обнаружил, подойдя к ней «сбоку», как я потом понял, запутавшись в ориентирах. Фамилию мою, как всегда исказили, но этот вариант был, приемлем – я стал «Костей Кохамским».

Это был почти готовый псевдоним, которым я, непременно, когда-нибудь воспользуюсь.

Из прошлогодних ребят была Лена Парфёнова, и мы с тоской вспоминали те дни, когда раскинувшаяся над горой Стойковича ночь, всё дальше и дальше поднимала над горизонтом свои тайны.

Я почти не пил и не пел своих песен. Культ Алёны Бояркиной здесь был настолько прочен, что я не захотел вносить в него еретический дух непокорности устаревшим догмам и штампам.

Я уже жил 1973 годом – своей новой экспедицией, которую уже не думал проводить в одиночестве.

Под утро, когда все начали расходиться, я снова приступил к обряду сушки одежды. И вторая ночь прошла без сновидений, но они компенсировались пирожками, которые я жарил для себя и всех желающих.

В этот день состоялась короткая беседа с Джоном. Оказывается рядом с моим участком, он нашёл обломок в тонну весом, который стыкуется с остальной глыбой. Мне оставалось только поздравить Джона и уйти к друзьям к противоположному концу стола.

3 августа 1972 года.

По недоразумению я не улетел на вертолёт. Поинтересовавшись у Джона о его загрузке, я понял, что для меня там место не предусмотрено. Вертолёт улетел полупустым. Мне оставалось только собирать рюкзак для пешего, в общей сложности, за 2 года пятого похода по тропе Кулика.

В этот день в Ванавару собирались Олег с Сашей из Томска. Они обрадовались, что я пойду с ними. Около одиннадцати мы покинули заимку. В этот день мы дошли до реки «Макикты с плёсом» (ориентир на тропе Кулика) и остановились на ночлег в 500 метрах от неё.

4 августа 1972 года.

От Макикты с плёсом, пройдя утром около двух километров, по моей инициативе, мы остановились у ручья с очень чистой водой, где я пожалел, что перед этим съел несколько карамелек. Вода с этими карамельками компенсировала бы любой напиток. Карамелек не было, так что пришлось назвать ручей Карамельным.

На стоянке «Бог Огды» мы долго любовались круглым озером, пили из него воду, а я даже прошёлся по его берегу, чтобы убедиться, что оно всего-навсего плёс Макикты, образовавшийся в результате завала в метрах десяти от нас.

Около десяти часов мы достигли берега Чамбы, где собирались сделать привал, но уже разведённый костёр пришлось погасить, так как надвигавшиеся с севера тучи не предвещали ничего хорошего.

Пришлось перейти Чамбу вброд и идти вдоль её берега шесть километров до зимовья, находящегося в ста метрах от берега, рядом с тропой Кулика.

Здесь в случае дождя мы приняли решение переночевать. Как и ожидалось, пошёл дождь, когда мы только стали наполнять котелки водой, теперь уже и для обеда, и для ужина, и для завтрака.

Хотя дождь быстро кончился, продолжать путь уже не имело смысла. По мокрой траве, достигающей местами до пояса, идти было равносильно, что и по воде.

Пообедали. Саша пошёл спать, а мы с Олегом, разговорившись, принялись готовить ужин и как две старые сплетницы, начали перемывать кое-чьи кости, в основном Валины, которая, как из меня, так и из Олега и ещё из многих выматывала душу своей заботой о своём здоровье.

Потом я начал о чём-то рассуждать, но Олег прервал мой монолог, сказав, что слышит женские голоса.

К моему удивлению, вскоре из-за кустов показалась Валя с какой-то девушкой.

Она очень обрадовалась, увидев нас, думая, что мы пойдём теперь вместе. Нас такой вариант не устраивал. Наученные горьким опытом, мы готовы были выйти, хоть сейчас, но честно сказали, что собираемся идти в Ванавару завтра в четыре часа утра. Их такой вариант не устраивал. Мы сочувственно развели руками. Свой завтрак мы предоставили в качестве ужина девушкам, а себе сварили другой. Избушка явно не была рассчитана на пятерых. Я устроился рядом с дверным проёмом между основанием для печки и нарами на двух рюкзаках, как на двух кочках и поэтому утром, когда проснулся, долго не мог понять, где и у кого нахожусь.

5 августа 1972 года.

Часа в четыре дня мы были в Ванаваре. Аэродром по случаю субботы уже не работал. Мы пошли к товарищу Кальницкому, начальнику московских геоморфологов. Я отдал ему от них письмо, предварительно поинтересовавшись, как обстоит дело с вертолётом. Вертолёт с продуктами ещё не высылали.

Дальнейший разговор не имел смысла и я, вручив ему два пакета, вышел из комнаты.

Ночевали в избушке с полозьями (балке), стоявшей на улице Ивана Увачана, и предоставленной КСЭ местными властями, в качестве перевалочного пункта.

6 августа 1972 года.

Утром пришла Валя с подругой. Мы же, предоставив им всю полноту власти в домике, решили пройтись по магазинам. Работал только один продовольственный. Денег было в обрез, и яства не предвиделись. Вечером подошли Антонов-младший со Слеповой. К тому времени мы приготовили борщ, и он им был весьма кстати.

Валя пошла за хлебом, а я, зная, что булочная закрыта, пошёл за ней следом в магазин, предполагая, что она полностью лишена фантазии и кроме булок в данный момент ни о чём другом не вспомнит. В магазине я купил печенье и быстро вернулся назад. Всё остальное было, как я предполагал. У нашего домика горел костёр. На огонёк пришёл местный паренёк Борис Брюханов.

Пели песни, и даже я свои. Некоторые понравились. Блокнот с этими песнями я отдал Борису до утра, проявившему желание кое-что переписать.

7 августа 1972 года.

Утром встретился с Иваном Тимофеевичем. Он поинтересовался, - не вышел ли ещё из тайги Толик Косолапов, который обещал пройти с ним на лодке (ветке) по Большой Ерёме. Я сказал, - что нет. Иван Тимофеевич огорчился. Мы же (я с Сашей и Олегом) потом целый день потеряли в аэропорту, и купили билеты на самолёт только на 16 августа.

8 августа 1972 года.

Утром пришли с Заимки ещё двое – Игорь с девушкой, но я уже в аэропорт не торопился, так как около 12 часов ночи за бутылкой водки в компании с Антоновым-младшим договорился с Иваном Тимофеевичем плыть с ним от верховий Большой Ерёмы до Преображенки.

Олег с Сашей и Игорем билет не достали, но и нам с Иваном Тимофеевичем не светил вертолёт – он был занят на пожаре.

9 августа 1972 года.

Антонов-младший, Слепова и Борис Брюханов улетели к Чадобцу, что в 90 километрах от Кежмы. Дальше им предстояло идти пешком.

Из тайги вышла Алёна Бояркина. Договорился с ней, что вышлю ей всю имевшуюся у меня зарубежную фантастику в обмен на слайды из фильма о поисках Тунгусского метеорита. Алёна вскоре улетела.

Из тайги вышли Косолапов и Антоновы. Антонов-старший, узнав, что я отправляюсь на Большую Ерёму, попросил меня взять там земляные пробы.

На Большой Ерёме, я решил взять 25 проб. Свой билет на самолёт я продал Игорю.

10 августа 1972 года.

Из тайги вышел Васильев. Оказывается на Заимке ЧП – заболел Джон Анфиногенов. Васильев думает, что он надорвался.

Косолапов обдумывает вариант, как бы вперёд нас слетать на вертолёт на Чеко.

Что ж и здесь мне дорогу переходит Джон.

Начальник пожарников Юра Юрин, наконец, сказал определённо, чтобы мы приходили завтра утром к 8-ми часам.

Вечером говорил с Васильевым о предстоящих экспедициях. Васильев думает перебраться на Чуню и где-то на ручье Кордо соорудить лабораторию. На север от озера Чеко, оказывается, есть геологическая просека, далее километров тридцать, два года назад прошёл вездеход, так что он думает, прокладывать тропу придётся 70 километров.

Моя заинтересованность эвенкийскими тропами его удивила, а предстоящая, когда я ему намекнул, моя экспедиция с группой, кажется, даже испугала. Рассказал ему историю с геоморфологами. Опять коснулись Джона. В который раз услышал от него, какой он умный, но вот только его характер несносен.

Васильев не заинтересован в разладе. Перешёл от критики Джона, к насыщению меня информацией о тропах. Обещал прислать карту Суслова с его обозначением эвенкийских троп.

Затем Васильев рассказал мне историю с купцом Суздаевым, который посещал место падения Тунгусского метеорита и, собрав эвенков, объяснил им, что это явление привлечёт русских. А это, значит, пропадёт зверь и прочее. Его приказчик был более прямолинеен, - кто вздумает туда пойти, - сказал он, - того просто будут убивать.

Не смотря на это, четверо эвенков посетили места вывала. Суздаев, - как объяснил Васильев, - не ограничился только этим запугиванием эвенков, - он даже застолбил за собой этот район.

В районе Чамбы им был даже закапан столб с какими-то отождёнными на нём знаками.

Суздаев был знаком с Громовым и занимался неслыханным грабежом местного населения в таких масштабах, что это даже потрясло находящиеся в Ванаваре миссионеры. Они донесли енисейскому губернатору, и Суздаев был выдворен из этих мест (где-то в 1914 году).

Вся эта история, - как сказал мне Васильев, - была запротоколирована Коненкиным и рассказана им ему лично.

После чего он добавил, что очевидец тех событий, бывший шаман Аксёнов, сейчас находится в Ванаварской больнице, и говорят от одной только русской речи поблизости, ему становится хуже. Поэтому посетить Аксёнова в больнице, Васильев не делал даже попытки, а может зря.

11 августа 1972 года.

Юра Юрин сказал, когда мы с Иваном Тимофеевичем пришли в аэропорт, что всё в порядке:

- Сейчас придёт машина, погрузите лодку, а там на вертолёт.

Пришли Васильев с Косолаповым. Оказывается в верховьях Макикты пожар.

Юра Юрин обещает вывести пробы и Джона завтра, но сначала, отправит, как и обещал, показывая на нас – этих ребят.

Подъехали к вертолёту. Лодка не втаскивается в боковой люк, из-за лишних, примерно, десяти сантиметров, её длины.

Это создаёт определённые неудобства. Лодку уже нельзя будет сбросить с воздуха и придётся искать площадку для посадки.

Наконец, через задний люк лодка погружена в вертолёт. Взлетели. Минут сорок пути. Юра Юрин показывает мне внизу зимовьё, но я его не вижу. Из-за рёва двигателя не могу понять, зачем, он мне его показывал, вообще.

Вертолёт садится приблизительно в метрах двухстах от реки, на островке посередине болота. Быстро выгружаемся. Юра Юрин показывает мне на карте приблизительное место нашей выброски на карте.

Около часа перетаскиваем лодку с рюкзаками к берегу реки. Наконец, после капитальной просмолки днища и бортов лодки, отплыли.

Далее только краткая хроника описания маршрута.

11 августа 1972 года

(продолжение).

9-45 – высадились с вертолёта в метрах 150-200 от реки на островке посередине болота.

12-00 – перенесли лодку и вещи, попробовали плыть, но лодка сразу же затонула, вытащили лодку на берег и, растопив на костре вар, залили им щели в днище и в бортах лодки.

12-10 – отплыли.

13-20 – проплыли первый ручей со стороны правого берега.

13-30 – ручей справа.

13-48 – первый перекат.

13-50 – ручей справа.

13-55 – ручей слева.

14-00 – завал грунтовой длиной 1 метр.

14-15 – остров, за ним плёс.

14-25 – ручей слева.

14-35 – завал из деревьев длиной 3 метра и ручей справа. Стояка на обед.

15-20 – продолжили плавание.

15-40 – ручей слева.

16-00 – завал из деревьев длиной 20 метров.

16-17 – завал из деревьев длиной 50 метров.

16-25 – ручей справа с явно выраженной долиной.

16-50 – прошли небольшой завал.

16-55 – подошли к первому зигзагообразному порогу, длиной 30 метров.

17-05 – прошли порог.

17-20 – ручей слева.

17-22 – ручей справа.
17-23 – речка слева, произвели осмотр местности.
17-45 – отплыли от речки.
17-46 – ручей справа.
17-55 – плёс длиной около 100 метров.
18-00 – ручей справа.
18-15 – ручей справа.
18-25 – зимовьё, от него в 20 метрах с берега виден лабаз. Зимовьё не достроено.
18-40 – отплыли от зимовья.
18-55 – ручей справа.
19-00 – плёс приблизительно длиной 100 метров. Там где река делала разворот, было видно зимовьё.
19-12 – ручей слева.
19-17 – ручей справа.
19-35 – заросший плёс шириной около 100 метров.
19-55 – речка слева.
19-56 – ручей слева.
20-00 – стоянка на ночлег на левом берегу. С реки на берегу был виден круговой затёс. Рядом старая эвенкийская тропа и следы стоянок. От них идут тропы с затёсами, одна на восток, а другая вдоль берега на юго-восток. Прошёл немного по обеим тропам. Восточная тропа ветвится, кое-где вдоль неё на деревьях затёсы. Юго-восточная тропа поворачивает на восток и идёт по склону холма. Взял земляную пробу в стороне от этой тропы. Много старых затёсов на стоянке.
Лабиринт канавок, как на Пеюнге. Район распространения их дальше установить не удалось.

12 августа 1972 года.

7-30 – отплыли от стоянки.
7-50 – плёс справа почти прямоугольной формы, длиной около 100 метров.
8-05 – ручей справа.
8-30 – большой вытянутый плёс шириной около 40 метров.
8-45 – плёс, приблизительно 80 метров с островом.
8-48 – прошли плёс шириной около 100 метров, после которого ширина реки явно увеличилась и стала больше 10 метров.
9-00 – ручей справа.
9-05 – справа шесть маленьких ручейков.
9-00 – три ручья справа.
9-17 – большой ручей справа.
9-25 – завал, большое упавшее дерево перекрыло русло реки.

9-30 – сужение протоки до 5 метров.
9-40 – ручей справа, протока около 3-х метров.
9-42 – ручей справа.
10-00 – речка слева, ширина в устье 2 метра, в десяти метрах от устья 1 – 1,5 метра.
10-30 – остановка, взял земляную пробу, поплыли дальше.
10-45 – ручей справа.
10-48 – речушка справа, ширина 20 см.
10-48 – ручей справа.
10-52 – ручей слева.
10-55 – сужение реки до 2 метров.
11-00 – плёс шириной более 100 метров с островом у правого берега.
11-15 – сужение до 2 метров.
11-20 – плёс шириной до 60 метров.
11-22 – зимовьё, без печки, с лабазом на левом берегу. Остановились для отдыха. Пили чай.
13-20 – отплыли от зимовья.
13-40 – подплыли к вертолётной площадке, с которой хорошо видно зимовьё.
Заморосил дождь.
14-05 – отплыли от вертолётной площадки.
14-15 – сужение реки до 2-х метров, за ним плёс слева шириной около 50 метров.
14-25 – речка, впадающая в плёс со стороны левого берега, почти на уровне середины плёса.
14-30 – ручей слева.
14-32 – сужение реки почти до 1 метра.
14-40 – плёс, Иван Тимофеевич сбил из ружья утку.
15-00 – плёс с островом.
15-07 – речка, впадающая справа в плёс 100x35 метров, с шириной устья 5 метров, которое в 20 метрах от него раздваивается ручьями по 30 см.
15-15 – отплыли от речки.
15-25 – озеро площадью приблизительно 2 км на 1 км с двумя островами.
15-45 – вышли из озера.
15-55 – плёс шириной около 70 метров.
16-25 – проплыли остров, на котором бегали ондатры.
16-40 – проплыли плёс шириной около 30 метров.
16-45 – ручей двойной слева, сделали остановку для отдыха на отмели.
17-10 – пережат длиной 20 метров.

17-20 – слева обрывистый берег высотой до 15 метров и пережат длиной около 100 метров.
17-30 – прошли пережат с завалом.
18-00 – прошли пережат с завалами длиной около двух километров.
18-10 – остановились для отдыха, в месте куда принесло водой ящик с номером 4387.
18-20 – плёс с островом справа.
18-30 – ручей справа.
18-55 – прошли завал, образованный двумя упавшими в реку деревьями.
19-10 – прошли 10-метровый завал.
19-12 – ручей справа у плёса шириной около 10 метров.
19-30 – завал, который пришлось преодолевать, волоча лодку по берегу.
19-40 – прорубались сквозь сплошной завал из деревьев, под нависавшими над водой ветками, меньше чем 1,5 метра над головой.
20-00 – приступили к поиску стоянки для ночлега.
20-30 – выбрали место для стоянки, на крутом левом берегу у тропы с двойными (на каждом дереве) затёсами, через каждые 10 метров.

13 августа 1972 года.

8-00 – только отплыли сразу шивера (мелководье с быстрым течением) около 30 метров, за ней протока шириной в разных местах от 5 до 10 метров, за ней плёс шириной около 100 метров.
8-15 – пережат длиной около 3-х метров.
8-25 – шивера длиной около 50 метров.
8-40 – речка справа.
8-50 – прорубались в завале из деревьев.
9-30 – полчаса преодолевали завал. Обнаружили в нём плот из четырёх брёвен. За завалом 20-тью метрами ниже, со стороны левого берега речка с шириной устья 1,5 метра, в десяти метрах от устья – 40 см.
10-00 – пережат длиной 10 метров.
10-10 – ручей слева, после него 15-метровый пережат.
10-15 – ручей слева.
10-17 – речка справа с шириной устья 30 см.
10-18 – ручей справа.
10-22 – ручей справа.
10-35 – пережат.
10-55 – проплыли, под упавшим в 40 см от поверхности воды, деревом.
11-07 – прошли трудно проходимый пережат.
11-08 – плёс шириной около 40 метров, с впадающим в него двойным ручьём.
11-20 – речка слева с шириной устья 30 см и с долиной шириной около 100

метров.

11-42 – ручей справа, после него остановились на отдых.

11-55 – отплыли от стоянки.

12-28 – препятствие в виде лежащего поперёк русла дерева. Пришлось волочь лодку мимо него по берегу.

12-45 – ручей слева, впадающий в круглую лагуну диаметром около 15 метров.

12-55 – на наклонившейся над водой большой лиственнице треугольный затёс и надпись: «Подход к пункту Анандякит аз.225 - 12,5 км. Неразборчивая подпись». Сделали остановку, и пили сгущёнку.

14-20 – отплыли от затёса. Напротив лиственницы с затёсом остров.

15-00 – прямоугольная заводь слева.

15-07 – заводь в виде треугольника справа.

15-20 – Иван Тимофеевич убил селезня, стреляя почти в упор.

15-30 – порог длиной около 5 метров.

15-45 – ручей справа.

16-25 – шивера длиной около 100 метров.

16-37 – плёс шириной около 70 метров.

16-50 – ручей слева.

16-55 – бурный перекат (скорее порог) с водоворотом длиной около 25 метров, впервые черпанули лодкой воды, причалили к речной косе, где я подобрал пару интересных камней.

17-15 – отплыли от переката.

17-28 – два ручья на расстоянии 5 метров друг от друга слева.

18-00 – река слева, моросит дождь.

18-10 – завал из четырёх деревьев, в виде настила из трёх деревьев и четвёртого от них в метре.

18-20 – река справа. В устье слева по течению в 10 метрах от Большой Ерёмы в неё впадает ручей. Вероятно река Анандякит – изб рядом с устьем нет.

18-40 – ручей слева.

19-06 – плёс справа шириной около 100 метров.

19-15 – плёс шириной около 100 метров.

19-20 – речка справа, около неё плавают лебедь с четырьмя лебедятами.

19-40 – плёс справа.

19-50 – фотографирую лебедёнка оторвавшегося от стаи. Сверху кричит, летая над нами кругами, его мать.

20-00 – ручей справа.

20-01 – ручей слева.

20-05 – возвращаемся, на только что проплывшую нами, песчаную косу и делаем стоянку. Дождь кончился и мокрые до нитки, мы начинаем заготавливать дрова в 25 метрах от реки.

14 августа 1972 года.

8-30 – отплыли от стоянки.

9-45 – ручей справа.

8-55 – ручей слева.

9-20 – прошли завал.

9-30 – плёс слева.

9-45 – ручей справа.

10-20 – 5-метровый завал.

10-35 – ручей слева.

11-00 – ручей слева.

11-10 – ручей слева.

12-05 – песчаная шивера длиной около 50 метров.

12-08 – ручей слева.

12-55 – на востоке показалась двугорбая гора.

12-58 – ручей справа.

13-06 – на севере показалась округлая гора.

13-10 – сделали остановку для отдыха перед порогом.

14-15 – прошли порог.

14-20 – на левом берегу увидели лабаз, избу и баню.

15-15 – вошли в озеро диаметром 1,5 км, по которому плавали лебеди.

16-37 – вошли в ущелье с порогом длиной 150 метров.

17-10 – вышли с порога.

18-06 – слева, похожая на речку, старица (старое русло реки).

18-07 – вышли из старицы.

18-12 – подошли к водопаду высотой 1,5 метра.

18-30 – обошли водопад берегом, волоча за собой лодку.

Комментарий к последующим частям дневника, сделанный 20 августа 1972 года:

«Начиная с 15 августа 1972 года до 19 августа 1972 года включительно, описание маршрута искажено до неузнаваемости. Мной были сделаны существенные пропуски, специально для Ивана Тимофеевича Рысенко, который, переписывая, на стоянках сделанное мной описание маршрута, не пропускал даже не представляющие для него интереса детали...

Немного о самом описании маршрута. Оно осуществлялось практически синхронно с моей греблей веслом, сидя за спиной Ивана Тимофеевича. На моих коленях всегда лежал согнутый пополам тетрадный листок и я, на три–четыре секунды, положив рядом с ним весло, используя его в качестве подставки, делал на нём, посмотрев на часы, краткие записи и затем снова продолжал грести с тем же темпом. На стоянках для отдыха и обеда, я, по мере возможности, эти записи корректировал на тех же листках, а вечером, после ужина, перед сном, переносил эти записи в дневник.

Поводом для этого послужило то, что он переписал даже мои сравнения местности около эвенкийской стоянки, с местами, в которых он никогда не был.

Поэтому у меня, когда мы расстались с Иваном Тимофеевичем, сразу возникла навязчивая идея рассказать о своём попутчике немного подробнее, как о нём самом, так и о его навязчивой идее с кем-нибудь спуститься в лодке вниз по Большой Ерёме - от её верховьев до населённого пункта Большая Чайка.

Вообще-то он вначале думал доплыть до села Преображенка, хотя от устья Большой Ерёмы до Преображенки нужно было подниматься вверх по Нижней Тунгуске около 80 километров, и как ему удалось бы это сделать, он наверно и сам тогда хорошо не представлял.

А всё началось с того, что на озере Чеко заглох движок, и лишённая электроэнергии встала лаборатория КСЭ, находящаяся на переднем крае советской науки далеко в тунгусской тайге. Профессор Николай Васильев не находил себе места. И тут, как в сказке, появился майор авиации, к тому же специалист по двигателям. Движок заработал. Загудели муфеля и словно встрепенулись, ожившие микроскопы в нестройных волнах пульсирующего тока. Лаборатория решала огромную проблему, не имевшую никакого народнохозяйственного значения, хотя об неё многие уже обломали зубы – проблему Тунгусского метеорита.

Тем временем я решал более скромную задачу – понять этих людей, которые посвящали свои отпуска этому не лёгкому делу.

Иван Тимофеевич так и остался чёрным ящиком, то есть тайной крытой покровом секретности граничащей с глупостью.

Цели его были очень расплывчаты и противоречивы. Он напоминал растерявшегося хапугу, нашедшего благодатную почву для своих дел, но понявшего, что нагруженный его амбициями воз, ему одному не вывезти на большую дорогу. И поэтому он раскрыл часть своих краплёных карт перед случайными людьми.

Так началась им обработка, после поверхностного знакомства Толика Косолапова, одного из тех отчаянных парней, единственная корысть которых связана только с тягой к неизведанным маршрутам.

Иван Тимофеевич вцепился в него всеми конечностями, используя зубы и природное нахальство, а также тот же дефицит времени, которым располагал последний.

И таёжная река на карте, которая многим даже своим названием, ничего не говорящая, стала тем ипподромом, где Иваном Тимофеевичем, предлагалось Косолапову проявить себя в качестве рабочей лошади или прикованного к галере гребца.

Рисую при этом заманчивые перспективы их совместного путешествия, он, в конце концов, переусердствовал, чем и ввёл Косолапова в беспросветную тоску. А тут ещё Джон Анфиногенов нашёл «метеорит» и Анатолий Косолапов не находя на Заимке для себя достойного места, совершенно случайно наткнулся на меня.

Я тем временем, вернувшись с Верхней Лакуры, успел поссориться с Джоном Анфиногеновым и со скверным настроением вернуться с Кимчу с письмом от московских

геоморфологов к своему начальнику, который о них, кажется, забыл. Разговорившись с Косолаповым, я наверно подлил масла в огонь его сомнений, сказав ему, что «камень» Джона Анфиногенова, возможно, окажется Тунгусским метеоритом, хотим мы этого или не хотим, вне зависимости от того, нравится Джон ему лично или нет.

Вероятно, этими пессимистическими прогнозами, я привёл Косолапова в прежнее состояние трезвой рассудительности. После сбора КСЭ, Иван Тимофеевич покинул Заимку и развернул в Ванаваре лихорадочную деятельность, не подозревая, что Косолапов махнул рукой на всё его это грандиозное мероприятие.

У меня же за это время на душе как-то потеплело. Я мог уже спокойно без раздражения разговаривать с Алёной Бояркиной и даже, после разговора с Джоном, перестал на него дуться, хотя чувствовал, что никогда мне больше не относиться к нему с прежним восхищением.

Старое всплывало в воспоминаниях, и я рисовал Джона, каким он был, а не таким, каким он может быть или возможно является самом деле.

Некоторые при этом соглашались со мной, другие спорили, а мне было всё равно оттого, что я, как правило, не очень то задерживался на обсуждении персоны Джона, а переходил к обсуждению вещей более приятных и вызывающих всеобщий интерес.

Например, пел свои песни, нисколько не стесняясь, что меня не поймут...

Я также вскоре покинул Заимку с Олегом и Сашей Фазлиевым, студентами из ТГУ.

Через два с половиной дня мы были в Ванаваре, где я вновь встретился с Иваном Тимофеевичем, который уже начинал нервничать. Дело близилось к восьмому августа, а Косолапов так и не появился. В том, что Косолапов засомневался, Иван Тимофеевич даже не подозревал, а мне до этого просто не было никакого дела.

Билет на самолёт мне удалось купить только на 16 августа. Деньги у меня таяли, потому что их явно не хватало на троих...» (на этом запись в дневнике обрывается).

Этим моим затруднительным положением и воспользовался Иван Тимофеевич и 7 августа в 12 часов ночи, уговорил меня, распив со мной и Антоновым-младшим бутылку водки, принять его предложение. Действительно, чем сидеть без дела в Ванаваре и восемь дней ждать самолёт, можно за это время совершить ещё одно путешествие – и я, выслушав этот его, бесспорный, довод, с ним согласился, даже не удосужившись до дня вылета, посмотреть на лодку, на которой нам предстояло плыть. Продав билет Игорю, я стал вместе с Иваном Тимофеевичем заниматься уговорами пожарников забросить нас в верховья Большой Ерёмы, которые, оказывается, ничего конкретно ему не обещали, и только то, что я уже совершил в одиночку куда более сложное путешествие, сыграло в этих переговорах решающую роль.

Начальник пожарников Юра Юрин, только сказал мне тогда, чтобы мы на всякий случай взяли больше продуктов. Я передал его пожелание Ивану Тимофеевичу, но тот заверил, что продуктов у него припасено достаточно, но оказалось, что их хватит только на половину пути, и поэтому приходилось надеяться на результаты охоты и рыбалки, которые себя не оправдали.

Далее оригинал записей (записи, сделанные специально для Ивана Тимофеевича приводить было бы просто смешно).

15 августа 1972 года.

7-50 – отплыли.

8-55 – наткнулись на подводные камни.

9-10 – река справа.

9-20 – плёс слева.

9-35 – река?! справа.

10-00 – плыли плёсом шириной около 50 метров, до порога длиной около 20 метров, имевшим в конце водопад высотой около метра.

10-20 – прошли водопад.

10-35 – подошли к реке Еремакан. Ширина реки в устье и дальше более 20 метров, о чём можно было судить по просматривавшемуся на 1-2 километра её руслу.

11-20 – подошли к избе, в относительно хорошем состоянии на правом берегу реки, судя по всему, бывшей геологической лаборатории. На стенах остатки электропроводки, вокруг брошенные тачки, металлическая сетка, ящики. Рядом с избой порог. Взял земляную пробу, поднявшись в гору на высоту примерно 50 метров.

11-45 – отплыли и сразу же вошли в систему порогов.

13-27 – вышли с девятого порога.

13-40 – после плёса прошли десятый порог.

14-10 – сужение русла реки в конце плёса примерно с 45 метров до 5 метров.

14-25 – после плёса, порог.

14-30 – стоянка на обед.

15-00 – отплыли.

15-08 – островок в протоке.

15-20 – прошли небольшой порог, и вышли из ущелья, на выходе из которого, прошли ещё один небольшой порог.

16-40 – после ущелья плыли мимо правого гористого берега по плёсу шириной около 40 метров.

17-10 – прошли небольшой порог.

17-25 – снова вошли в ущелье и прошли второй порог.

17-35 – третий порог. При проводке лодки, я споткнулся и упал в воду. Дальше было сужение русла до 20 метров и на расстоянии 100 метров порог №4.

18-10 – сошли с 5-го порога.

18-15 – сошли с 6-го порога.

18-28 – со стороны левого берега лысая гора.

18-45 – срез (уклон) берега 30°.

18-50 – порог

19-00 – остановка на ночлег на острове рядом с порогом.

16 августа 1972 года.

Перед отплытием взял земляную пробу грунта.

8-30 – отплываем от порога. В 20 метрах от него второй порог поменьше, за ним плёс шириной около 30 метров.

8-58 – система порогов с расположением «1 + 4» (расстояние от первого до остальных больше, между остальными примерно одинаковое), через 10-15 метров между ними плёсы.

9-12 – сошли с 5-го порога.

9-20 – в 150 метрах от 5-го порога прошли небольшой порог.

9-30 – плыли вдоль правого берега, через 200 метров галечный островок длиной около 2-х метров в форме треугольника.

10-20 – сужение русла, камни.

11-10 – порог у горы со стороны правого берега (вероятно, входим в ущелье), после порога в ста метрах от него ещё два порога.

11-50 – прошли эти пороги, за ними сужение реки до 30 метров.

12-05 – прошли порог, волоча лодку по берегу.

12-15 – подошли к большому порогу.

12-20 – вышли с порога.

12-27 – порог, за порогом большие камни.

12-55 – черпанули лодкой воды, прошли скалу похожую на охотника и вошли в систему из 8-ми порогов.

13-22 – прошли пороги.

13-30 – прошли 9, 10 и 11 порог.

13-45 – стоянка для обеда и отдыха у порога.

14-15 – отплыли от порога.

14-55 – вышли с порога имеющего систему гребней «3 – 2 – 1».

15-05 – подошли к порогу.

15-10 – всюду камни, как в верховьях Лакуры, в смысле того, что оба берега обрамлены камнями. Прошли восемь бурных гребней (почти рядом расположенных порогов) у девятого гребня скала с истуканами похожими на тех, что на острове Пасхи. Прошли 9, 10 и 12 гребень.

16-20 – вышли из «лакурского» канала.

16-23 – 13-й порог, за ним вдоль русла отдельные камни.

16-45 – порог.

16-58 – прошли порог, за ним плёс.

17-00 – плёс, как озеро длина 1км, ширина около 300-х метров.

17-20 – вышли из реки справа, дошёл по ней вверх до переката шириной 3 метра.

17-43 – прошли озеро-плёс, за ним порог.

18-30 – прошли систему порогов «5 + 2».

18-35 – прошли порог, находясь в лодке.

18-45 – порог-ворота, то есть между правым и левым берегами, имеющими одинаково крутые берега.

19-40 – порог, впереди гора с геодезической вышкой.

20-00 – прошли систему из четырёх порогов и остановились на ночлег.

17 августа 1972 года.

Взял пробу земляного грунта №6 за системой из четырёх порогов.

7-40 – отплыли.

7-55 – сошли с порога.

8-00 – прошли «ворота».

8-10 – подошли к каскаду из трёх порогов, находящихся на расстоянии 50 метров друг от друга.

8-22 – вышли с порогов.

8-35 – увидели плавающих лебедей, две взрослых птицы и четыре птенца (каждый величиной с гуся).

8-40 – 8-43 – сели на подводный камень.

8-45 – подошли к каскаду из 6-ти порогов, через каждые 25-30 метров.

9-15 – прошли каскад порогов.

9-20 – за порогами треугольные затёсы на деревьях, гвозди вбитые в деревья, полуистёртая надпись на затёсе: «...сь».

9-40 – вошли в систему из 6 порогов.

10-10 – вышли из системы порогов.

10-12 – порог-ворота, за ним плёс длиной 200 и шириной около 100 метров.

10-30 – подошли к порогу.

10-33 – прошли порог.

10-50 – ручей (речка) слева.

12-00 – отошли от речки?! – ширина в устье около 3 метров, примерно в 500 метров от устья русло шириной 1 метр.

12-20 – каскад из 9-ти порогов. 5-й длиной около 50 метров, 6-й больше 8-го. У девятого порога скала с каменными «истуканами».

14-40 – вышли из 18-ти порогов.

14-50 – проплыли по каменистой долине русла, остановились у порога. На правом берегу реки увидели две маленькие (как игрушечные) избушки. Осмотрев их, подумали, что они принадлежали старателям, мывшим здесь золото.

15-20 – вошли в порог.

15-35 – вышли из второго, через 50 метров от первого, порога.

15-55 – подошли к устью реки Алтыб.

16-00 – вышли из устья Алтыба. Взял земляную пробу.

16-40 – порог, состоящий из 6-ти гребней.

17-50 – прошли порог.
18-20 – прошли систему порогов «1 + 2 (плёс) + 1».
18-25 – подошли к порогу.
18-30 – прошли порог.
18-50 – подошли к порогу.
19-00 – прошли порог.
19-15 – подошли к порогу.
19-20 – прошли порог и остановились на ночлег.

18 августа 1972 года.

Взял земляную пробу на правом берегу, поднявшись на высоту около 25 метров.

7-45 – отплыли.
7-55 – подошли к порогу.
8-10 – прошли две пары «ворот».
8-30 – ручей слева.
8-35 – Иван Тимофеевич убил глухарку с четвёртого выстрела.
9-15 – геодезическая вышка на горе по курсу лодки.
9-25 – встреча с охотником Геной из Ангарска. Охотник рассказал, где находится его напарник и, приблизительно, сколько будет километров до зимовий впереди.
9-30 – три избышки слева - эвенкийская база.
10-20 – прошли порог.
10-40 – ручей (речка) с каменистым руслом, в устье две протоки.
10-55 – отплыли от речки.
11-45 – ручей справа.
11-47 – ручей справа.
11-55 – ручей слева, рядом с ним брошенный кем-то плот.
12-45 – река слева.
12-53 – отплыли от реки.
13-25 – шивера с подводными камнями.
14-00 – остановились для отдыха и обеда у лысой горки.
15-05 – отплыли.
15-45 – проплыли мимо пяти островов, расположенных у размытого правого берега, последний представлял собой маленький галечный островок.
15-50 – две речки слева.
16-30 – охотничья изба.

16-55 – отплыли от избы, передохнув внутри её на нарах. Иван Тимофеевич даже изъявил желание в ней переночевать, но я был против этого, и предложил плыть до зимовья, где был напарник охотника Гены.

Он итак уже несколько дней попрекал меня в том, что я плохо гребу и тем, что, наверно, мне хочется, чтобы он опоздал на службу, и о его опоздании доложили министру обороны.

17-30 – река с быстрым течением справа. Почти напротив устья реки остров.

17-40 – отошли от реки.

18-20 – снова увидели плавающих лебедей. Двое взрослых и три птенца (уже почти оперившихся и величиной с большого гуся).

Иван Тимофеевич завёл разговор о том, «что в тайге может так случиться туго с продуктами, что придётся стрелять и в лебедей». На что я возразил ему тем, «что нечего соваться в тайгу вдвоём с десятью банками тушёнки, и считать, что этого хватит на две недели».

19-10 – сделали остановку, обнаружили рядом старую тропу.

19-20 встреча с дедом (с ангарским охотником Иваном Евсеевичем Перцевым).

Остались у него ночевать. Рассказали ему, откуда мы плывём. Дед сказал, что нам просто повезло, что в верховьях Большой Ерёмы прошли дожди, а то бы мы, вряд ли, так быстро смогли бы преодолеть такое расстояние по обмелевшей реке.

19 августа 1972 года.

9-00 (время иркутское) – отплыли. Дед снабдил меня продуктами (лосятиной и белым хлебом, который он пёк сам, в зимовье в русской печке, и сложенной им самим).

9-15 – сделали остановку.

9-35 – развалины избышки на левом берегу.

9-40 – ручей слева, справа песочный пляж шириной около 10 метров.

14-00 – во время остановки для отдыха, Иван Тимофеевич сказал, «что на меня плохо действуют продукты – придётся их выбросить». Ну и скотина!

14-55 – порог, который прошли, не выходя из лодки.

15-00 – остановка на обед.

16-00 – отплыли от стоянки.

18-15 – встреча с геологами. Иду навстречу желанию Ивана Тимофеевича выкинуть мясо - отдаю его всё геологам, хотя он, сказал, что можно и себе немного оставить. Ночевать решаю остаться у геологов. Иван Тимофеевич, поколебавшись, соглашается со мной, потому что мясо, сразу же оказавшееся в ведре, подвешенном над костром, варится, и как тут не поужинать со всеми за компанию.

20 августа 1972 года.

Иван Тимофеевич хочет плыть, не попрощавшись с геологами. Его нытьё переходит в оскорбления, но я непреклонен. Геолог Сергей предлагает продукты - беру у него пару банок сгущенного молока.

Вчера перед сном договорился с геологом Стёпой Каплиным об обмене с ним литературой по Тунгусскому метеориту.

Отплыли от стоянки геологов.

Иван Тимофеевич злорадно напевает песню Высоцкого о друге («Если друг оказался вдруг и т.д.»). Я его поправляю, что мы никогда не были друзьями, а являемся всего лишь обыкновенными авантюристами и не зачем ему мечтать о том, чего не было.

До Усть-Чайки больше не разговариваем. Проплыли мимо избы, но я даже не поинтересовался, сколько было времени рядом с ним и около устья реки Большая Чайка.

В «посёлке» Усть-Чайка, примерно в 0,5 км, ниже Большой Чайки, встретили отпускника с сыном. Не сегодня, так завтра за ним должен из Преображенки прилететь вертолёт.

Договариваемся с Иваном Тимофеевичем завтра отплыть пораньше. От отпускника я узнал, что после Усть-Чайки есть порог, с виду вроде бы не представляющий ничего особенного (выглядит, как пережат), но лучше всё-таки лодку провести вдоль берега, так как там, как раз в основном и купаются, налетев в лодке, на почти незаметные в быстром течении реки, камни.

21 августа 1972 года.

С утра сильный туман. Иван Тимофеевич торопит с отплытием. Прошу его переждать пока туман рассеется, хотя бы полчаса.

Иван Тимофеевич в ярости и я просто посылаю его на ..., давая, понять, что если подобные выпады будут повторяться, то до Ерёмы мы будем добираться каждый, как сможет.

Видимо этот вариант, вполне устраивал Ивана Тимофеевича. Отдаю ему продукты и последнюю банку сгущёнки.

Иван Тимофеевич требует, чтобы я ещё отдал ему карту верховий Большой Ерёмы. Карта, он заявляет мне, что секретная, и он не может допустить, чтобы я воспользовался ею во вред государству. Иду на компромисс и бросаю эту карту в костёр. Иван Тимофеевич втаптывая сапогом карту вглубь костра, говорит, словно, вынося мне приговор:

- Как ты со мной, - так и я с тобой!

Ему виднее. Дальнейшие его высказывания о моей неблагодарности, пропускаю мимо ушей.

Предлагаю ему есть кальмаров, которые он утаил на Алтыбе, когда мы были вынуждены экономить на продуктах.

Поэтому вся его дешёвая демонстрация принципиальности, совсем не тронула мою душу, так как перечёркивалась принятым им решением дальше плыть одному. Я остался при своём мнении. Иван Тимофеевич медленно отчаливает, что-то говорит, но я его уже не слушаю и лишь бросаю ему вдогонку то, что можно сказать в таком случае:

- Не надо только быть такой последней сукой Иван Тимофеевич!

Иду спать. Потом знакомлюсь с отпускником поближе. Прошу его написать мне в Москву, когда за ним придёт (пришёл) вертолёт. Приглашаю его на Алтыб в следующем году. Он снабжает меня солёной рыбой и суёт банку тушёнки. Рыбу беру, а от тушёнки отказываюсь. Оставляю ему остатки манной крупы, сухари и почти весь сахар. У отпускника тоже кончаются продукты, а вертолёт может прилететь и через неделю.

Отпускник перевозит меня на левый берег, и по нему я продолжаю свой путь к Нижней Тунгуске.

22, 23, 24 августа 1972 года.

Самый тяжёлый участок пути за всё время моего путешествия в этом году. Ноги стёрты до крови, каждый шаг вызывает острую боль. 23 августа кончились продукты. 24 августа, в середине дня подошёл по левому берегу Нижней Тунгуски, почти до села Ерёма, расположенного на правом берегу.

Первого же, увиденного мной человека, проплывавшего недалеко от берега на моторной лодке, прошу перевезти на противоположный берег.

Схожу с моторной лодки рядом с лодкой Ивана Тимофеевича. Бывает же такое совпадение. Рядом с лодкой мужчина средних лет и примерно мой ровесник, то ли её чинят, то ли разбирают на доски.

Узнаю у них, - уехала ли эта сука, - приплывшая сюда на лодке.

Если говорить точнее, то ткнул лодку сапогом в борт, и спросил:

- А, что этот х..., ещё здесь!

Оказывается, он вылетел из Ерёмы ещё 22 августа, и, слава Богу, что хотя бы здесь я теперь избавлен от его общества.

Меня приглашают отобедать к себе, мои новые знакомые, Костя Юрьев, начальник местной почты и его тесть Николай Андреевич из Братска. Принимаю приглашение и с удивлением замечаю, что меня, в их доме, встречают почти, как родственника. Ночевать остался у новых знакомых, и в разговорах с ними, я раскрыл в них ещё немало достойных для подражания качеств.

25 августа 1972 года.

В середине дня вылетел на почтовом самолёте в Ербогачён, хотя совсем туда не собирался.

Когда Костя Юрьев сказал, что-то сегодня самолёт прилетел рано, я не придавал этому значения, и не спросил у лётчика, куда он летит, уговаривая его взять меня на борт без билета, так как ерёминский кассир ушёл собирать клюкву и ещё не вернулся из тайги.

На этом записи в дневнике обрываются, хотя впереди опять же, не обошлось без приключений.

Экспедиция 1973 года

Дневник 1973 года

Дневник 1973 года был начат в вагоне поезда, с описания моих проводов на Ярославском вокзале города Москвы в черновой тетради, где сохранился на двух вырванных листах (3-х страницах). Продолжение дневника (его основная часть) относится к путешествию по Большой Ерёме, а конец, несколько строчек в записной книжке, это всего лишь эпизод в вагоне поезда, при возвращении домой.

В 1973 году, мне казалось, что я основательно подготовился к путешествию и поэтому из Москвы захватил с собой достаточное количество продуктов и даже «минифотолабораторию». Она включала в себя стереофотоаппарат, бачки для проявки фотоплёнки, более 20 пачек универсального проявителя и фиксажа, приспособление для контактной печати стереоснимков и фотобумагу. Поэтому первую часть пути до Иркутска я решил преодолеть на поезде.

13.06.1973

Перрон Ярославского вокзала. До отхода поезда – 15 минут. Рюкзак и увесистые картонные ящики наконец-то погружены. Стоим с Сашей (Денисовым) и ждём Мишу (Селиванова), которого снарядили за шампанским. Но раньше Миши появился Саша Перов. Восторги встречи сменились дружескими пожеланиями вроде, «чтоб меня волки съели, если им что-нибудь оставят комары. Тем временем подоспевает Миша, популярно объясняет, что шампанское кончилось, но чтобы не расстраивать публику болгарский “Мискет” продают по цене лучших шампанских вин. В вагоне Перову, как не пьющему, даже сухие вина, налили из термоса кофе. Бутылку же в два приёма раздавили за упокой души непутёвого Константина. Причём покойник порывался произнести речь, но т.к. поезд должен был вот-вот тронуться, решили отложить это мероприятие до следующего года. В оставшиеся несколько минут Миша не терял зря времени, т.к. найдя, что проводник очень милая девушка, решил проводить её до Иркутска, но, вспомнив, что забыл плащ и валенки, передумал, т.к. забота о своём здоровье у него превыше всего. Тогда он передал меня ей, слёзно попросив не забывать поить меня в пути чаем и не обижать. Поезд тронулся. Высунувшись из окна, я долго махал оставшимся на перроне ребятам кепкой, смахнув пыль не с одной электрической опоры. К счастью ни одной не погнул...

13.06.1973 - 17.06.1973

Продолжительное, можно сказать круглосуточное ухаживание за проводницей Настей. Это было не лишённое взаимности времяпровождение, своего рода “вагонно-дорожный роман”.

Следует отметить, что дальше долгих поцелуев и “серьёзных разговоров” дело не дошло, потому, что я не скрывал в конце пути в отношении её серьёзных намерений и, судя по сохранившемуся черновику письма, был настроен очень решительно, изменить жизнь к лучшему, правда, без отказа от своих “вредных” привычек”.

23.06.1973

Выехали около 12 часов московского времени. Костя Юрьев подбросил меня до порога Ворон 30 км вверх по Б.Ерёме. В 17 км от устья, на левом берегу в 500 метрах от развалин обогатительной фабрики, *разглядел зимовьё, которое умудрился пройти мимо в 1972 году*. Ворон взяли берегом, т.е. перетащили лодку на плечах с одним из рыбаков, которых мы с Костей там встретили. Далее, дай Бог, прошёл 10 км на вёслах, *в том числе* два порога и одну шиверу. Около трёх часов (МВ) пошёл маленький грибной дождичек, немного подмочил *вещи*. Через каждые полчаса приходилось вычёрпывать воду из лодки – течёт по страшному. Шиверу и последний пережат брал волоком (*по берегу*). Время, пройденное до порогов и шивер, буду отмечать на обратном пути.

23.06.1973

Выехал около трёх (МВ). Через час показался порог (*Евкит*), рядом с которым, на правом берегу было зимовьё, то самое, в котором я хотел переночевать в прошлом году, но не смог перейти реку в брод. Около 6 часов достиг порога Евкит (*на самом деле Бура*), который представляет собой остров, делящий реку на две протоки – правая шире левой, но зато левая более проходима (*для проводки лодки*). Длина порога 500-600 метров, может меньше. Первый каскад преодолел, разгрузив лодку волоком по берегу. Когда вытащил лодку на берег, решил поспиннинговать.

Утром у одного порога щучара откусила мою единственную блесну с грузилом. Так как грузила у меня не было, я намотал на леску кусок алюминиевой проволоки, привязал якорь (*крючок-тройник*), один из тех, которые мне дал *в запас* Костя, а вместо блесны приладил кусок *вчетверо сложенной* алюминиевой фольги. На эту снасть выволок (*бегом, не ослабляя лески, вверх по берегу*) щуку около 2 кг. Теперь же и у этого порога, ту же снасть, решил опробовать снова. Через несколько минут выволок на берег килограммового окуня. Ловлю пришлось прекратить, т.к. снова щучара проглотила “блесну”, а новую делать не хотелось, ещё *и* потому, что в котелке лежало, ещё не съеденной, сваренной *в нём*, полщуки. После того как преодолел волоком *весь* порог, я стал продвигаться вдоль левого берега и вдруг около 7 часов 7 минут (МВ) от *этого* берега с шипением и свистом что-то понеслось на расстоянии 15-20 метров по курсу *управляемой мной* лодки. Сначала я подумал утка, но тут это что-то остановилось, раскрутилось на месте, вспенив воду *и* вспучив её так, что образовался двухметрового диаметра купол и в метр высотой.

Пенный купол с тем же свистом, как и поднялся, также и спал (*опустился*). *Когда появился купол, я сначала* подумал, что кто-то вздумал глушить рыбу и замер в ожидании взрыва, но купол осел и меня лишь обдало лёгким порывом ветра, и этот как я предположил смерч, пронёсся *дальше* через центр большой протоки порога Евкита (*на самом деле Бура*), оставив за собой узкую пенную дорожку. Я вышел из лодки, так как с первых секунд инстинктивно толкнул лодку к берегу и ухватился за куст, не забыв при этом взглянуть на часы и отметить время. Примерно в том месте, откуда пронёсся смерч, я обнаружил зигзагообразную промоину, которая вероятно послужила причиной образования подобного явления. Длина промоины была около 4 метров. На берегу были видны следы сапог и копыт. Чёрт шутит, - подумал я, усмехнувшись, хотя на душе было совсем невесело. Погода стояла солнечная с редкими порывами ветра. Интересное и вероятно очень редкое явление, оставило после себя неприятное впечатление. Если бы я не поспиннинговал, то вероятно угодил бы в центр этого смерча и на своей шкуре почувствовал бы его мощь. Явление продолжалось 10-15 секунд, может больше, так как я, как загипнотизированный наблюдал весь этот процесс. Думал, что в этот день достигну Усть-Чайки, но не тут-то было.

25.06.1973

Выехал около 4 часов (МВ). Через 1,5 часа достиг порога. На левом берегу стояло зимовьё, которое я прошёл мимо в прошлом году, *так его и не заметив*. Думал остановиться в нём, т.к. в Усть-Чайке не нашёл бы такого комфорта. Но, зная, что до Усть-Чайки от этого зимовья 9-15 км, решил плыть далее, чтобы заночевать в нём на обратном пути. Порог сам прошёл волоком. Ох уж эти последние километры. За каждым поворотом чудится гора с залысиной, рядом с которой обосновался этот посёлок, сгоревший от одной спички в 50-х годах. *Там теперь* осталось всего несколько изб. *Но прошло*, где-то *ещё* около часа, когда я всё-таки достиг его. Здесь уже обосновалась иркутская экспедиция, а я обосновался в (*единственно свободной там*) бане. Затопил её, обдымокурил и всё равно, не смотря на деду (*средство от комаров*), ночью чуть не сожрали комары.

26.06.73 г. решил сделать днём отдыха – заняться просушкой подмоченных продуктов и фотографированием местности, т.к. на обратном пути ночевать здесь не буду.

Отдельные записи:

...В Усть-Чайке в настоящее время в сносном состоянии 3 избы, баня и лабаз.

Есть несколько землянок, сохранивших внешний настил. Жить в этих землянках нельзя, так в них пол практически превратился в болото.

...За всё время пребывания в Усть-Чайке иронизировал: “Живу, как герой “Шведской спички”, в бане, нет только любви на закуску”.

Часто навещали геологи, с которыми сложились неплохие отношения. Кормили они меня, кто карасями, кто грибами. Я же угощал концентратами, чаем, конфетами, чего у меня было предостаточно - не было только энтузиазма плыть дальше.

Главным была даже не усталость, а то, что мне было трудно определять местонахождение тех зимовий, в которых я рассчитывал останавливаться для отдыха, потому что даже приблизительно оценивать пройденное вверх по реке расстояние я, за неимением подробной карты, никак не мог. Даже порог Евкит принял за Бур, что говорить о более мелких порогах и притоках Большой Ерёмы, с которыми я кое-как разобрался только в конце путешествия. Нужных мне карт, к моему большому сожалению, у геологов, с которыми я познакомился в Усть-Чайке, не было, а то, что они мне могли подсказать по памяти, было полностью непригодной для путешествия информацией.

26.06.1973 - 29.06.1973

Пережидал дожди, конопатил лодку, делал редкие вылазки на Большую Чайку, фотографировал и проявлял плёнку. Не всё получилось.

Впервые попробовал варёной лосятины. Сидели мы с одним из рабочих геологической партии у костра, и наша беседа напоминала разговор двух сумасшедших. С костра было снято ведро, в котором варилась дичь. Из него «геолог» вытащил два больших куска мяса, и один из кусков передал мне. Мясо было на костях, так что, держась двумя руками за кости, мы как два троглодита, приступили к трапезе. Причмокнув, геолог, перед, тем как начать есть, сказал:

- Всё тут хорошо у нас, жалко только, что мясо не продают.

От неожиданности, я уже пережевывающий первый кусок мяса, поперхнулся от смеха, и, откашливаясь со слезами на глазах, тыча в него мясом, силился спросить, так чтобы он меня правильно понял:

- А, это что, рыба?

- Да, нет, я не о сохатине говорю, а о говядине, - тоже еле сдерживая смех, ответил «геолог» и подошедшие к нам его коллеги, когда им объяснили причину нашего смеха, отреагировали так же, как и все нормальные люди на очередной новый анекдот.

30.06.1973 года

Выехал около 7 часов. Шёл в бесконечных извилах Б.Ерёмы. Повороты с песчаными пляжами чередовались один за другим. В некоторых местах приходилось вылезать из лодки, чтобы тянуть её на бечеве. Надежды, что пройду до Кирикана, не было. Заночевал, как потом выяснилось в 25 минутах плавания от зимовья, т.е. примерно в 1 км.

1. 07.1973 – 2.07.1973

Пережидал дожди. Вторая половина дня 2 июля была на редкость хорошая.

Сделал вылазку на ближайшее озеро. Фотографировал, проявлял, печатал. Кое-что получилось. Изба была на редкость с комарами, выжить которых не было возможности. В избе на бревне было написано: “Был Манго А.П., искал Чайку”.

Хотелось написать рядом: “Был Костя, искал метеорит”.

3. 07.1973

Выехал около 6 часов. Взял неплохой темп, так что около 15 часов достиг Кирикана. Избы отмеченной Иваном Евсеевичем не оказалось. Думал, что может она, находится у другой безымянной речушки в ~ 9 км, поплыл к ней. Около 18 часов в окрестностях этой речушки никакого жилья не обнаружил. Остановился на ночлег на косе заросшей мелким кустарником, предварительно *расчистив* (вырубив) их вокруг *своей стоянки*. Натаскал туда от подножья небольшой пообгоревшей горки поваленные, уже тронутые огнём, стволы деревьев и развёл костёр.

4. 07.1973

Выехал около 6 часов. Всматриваюсь, всё время в левый берег. Где же изба? Как сквозь землю провалилась. Отмечаю своё местонахождение, фотографирую. Около 15 часов у небольшого порога, на левом берегу, заметил дым. Думал, может, встречу с Иваном Евсеевичем, чем Чёрт не шутит. Приблизившись, увидел, что дымится пень. Невдалеке обглоданные деревья (со снятой корой) и на шесте сушатся, развешанные, как мне показалось, шкурки. Около костра сустились люди, не обращая на мою лодку никакого внимания. В небольшом плёсике, подхваченный водоворотом, крутился плот. Причалил к правому берегу. Выходить не хотелось. Думая, что на берегу находятся “отпускники”, занятые заготовкой даров Сибири, решил им не мешать. Вычерпав воду, тронулся дальше.

Обратим внимание на этот наглядный пример, того, как реагируют люди на то, что происходит перед их самым носом. Представим их возможными очевидцами аномального явления, которым по воле случая, я оказался сам. Так, чтобы они рассказали или вспомнили о явлении Константина Коханова в их лагерь, спустя несколько лет, даже при допросе следственными органами. Да, ровным счётом, ничего, что было до моего у них неожиданного появления. Я почти полчаса находился на виду трёх человек, сутившихся около своей палатки, но ни один из них в это время ни разу не посмотрел в сторону реки.

В 1,5 – 2 км за небольшим перекатом увидел зимовьё. Причалил у доски воткнутой у берега. На ней была переписка Манго с геологом Овсянниковым, которые никак не могли встретиться. В зимовье нашёл записку: “Манго! Встали 2-4 км ниже этого зимовья. Жаль, что днём не дождались. Прибывай к нам, если я тебя не захвачу на Кирикане. С приветом Овсянников”.

Встал сам собой вопрос, что с Манго А.П.? Не смотря на усталость, нужно было идти выяснять положение дел. *Теперь мой путь к геологам* проходил по берегу.

Легко перепрыгнув ручей, который впадал в речку в метрах 100 от избы, я пошёл еле заметной тропкой к уже пройденному маленькому порогу. При подходе к нему я заметил пасущихся там оленей. Теперь было ясно, что Овсянников встретился с Манго в Кирикане. Можно было возвращаться, но любопытство, преподлейшая вещь, толкнуло меня идти дальше. Перейдя ручей в 20 – 30 метрах от палатки, я подошёл к *трём* геологам. Первым делом поинтересовался, кто из них Овсянников.

Традиционное представление, расспросы, - откуда и как, удивление, вполне искреннее: “Как, туристы уже появились здесь, а не только на Саянах!”.

И ещё большое удивление вызвало то, что я плыву против течения, и уже проплыл мимо их стоянки.

Объясняю цель своего путешествия, что-то говорю о Тунгусском метеорите, о настоящем положении дел при его изучении.

- А вот и сам Манго! – представляют мне каюра.

- Тогда всё в порядке, - облегчённо вздыхаю я, и остаюсь у них обедать.

Рассказываю ещё раз Манго о его записке и о своих умозаключениях. Кстати Манго был в этой избышке в мае. Вот так и рушится строгая последовательность невозмутимой логики.

А было всё так. Первого июля я был в зимовье где-то в 20 км от Усть-Чайки.

Манго там уже не было. Не встретил я его и по пути к зимовью. Решил идти к геологам. Захватив с собою немного концентратов, чай, банку паштета, не разгружая лодки, пошёл интересоваться, что с Манго. Их было трое. Как выяснилось, один и был тем самым *Анатолием* Манго, которого Овсянников встретил всё-таки на Кирикане. Теперь мне стало ясно, откуда там взялась привязанная к колу дюралевая лодка без подвесного мотора. Геологи были очень гостеприимны, всё интересовались, что мне не хватает из продуктов, всё старались что-нибудь всучить. От всего отказывался, но всё-таки взял копчёной рыбы. Это её коптили в коптильне, которую я принял за пень, а на шесте висели не шкурки, а вялилась рыба.

Обещал к ним наведаться завтра снова. *Когда* заморосил дождь, пошёл обратно.

Разгрузил лодку. Дождь всё усиливался и, наконец, изба потекла. Интересно *было понять*, почему почти вся кора была сброшена с крыши на землю. Может во время последнего пожара, оставившего вокруг неизгладимые следы, может хозяин решил сделать новую крышу, может..., и так всё может, а изба текла. Перебрался в левый угол, где ещё на крыше сохранился настил, и кое-как, свернувшись калачиком, так и скоротал всю ночь. Продукты и снаряжение пришлось накрыть п/плёнкой, как будто ночевал под открытым небом.

5.07.1973 - 6. 07.1973

Переждал дожди в зимовье. Ходил в гости к иркутским геологам.

У геолога Овсянникова были карты русла Большой Ерёмы и прилегающих к ней окрестностей от Нижней Тунгуски и села Еремы, почти до Еремакана, включая часть Алтыба, от устья до третьего ручья. Поэтому я воспользовался возможностью перенести на кальку всё, что связано с рекой и частично некоторые фрагменты окрестностей, правда, не так подробно, как в 1972 году окрестности Ванавары с карт московских геоморфологов.

Вода прибыла более чем на метр. Ручей рядом с зимовьём превратился в бурную речку. Ночью пробовал перейти её вброд – было почти по пояс. Сейчас наверно ещё глубже. Вода в реке продолжает прибывать.

7. 07.1973

Выехал около 9-ти. По мере продвижения вперёд течение реки *только* увеличивалось, хотя в этот день я ни разу не выходил из лодки *для её волока по берегу или проводки вдоль берега*. Вымотался дальше некуда. Несколько раз разворачивало на перекатах. От бывшей деревни Хомакашево (с берега видна полуразвалившаяся избушка) до зимовья И.Е. было по крайней мере километра 2 – 3, которые *для меня* вышли боком. Поэтому 8 июля решил сделать днём отдыха.

Пришёл к неутешительному выводу, что скорость продвижения *вверх по реке* в среднем была 2 км/час.

8. 07.1973

Практически я приехал (*приплыл*) к зимовью Ивана Тимофеевича в этот же день (*не останавливаясь на ночлег 7 июля*), около 3-х часов местного времени. Решил здесь пообсохнуть и привести в порядок лодку, а также заодно проявить непроявленные (*отснятые в пути*) пленки и попечатать фотографии.

Чувствуется усталость. Фотоотпечатки получились плохие, хотя вроде бы негативы удовлетворительные. Что ж, попробую переделать. *Затем почти весь оставшийся день* отсыпался, поэтому и 9-ое июля, тоже, решил сделать днём отдыха.

9. 07.1973

Около 11 часов пошёл дождь. После кратковременного грибного дождя конопатил лодку, затем фотографировал *окрестности*. Подозреваю, что качество проявки, портит всё. *Но всё равно*, не смотря на все предосторожности, *опять* получился некачественный негатив. Видно зерно. Отпечатал – все снимки дрянь. Один-два кадра достойны будут снисхождения, если будут отпечатаны на тиснёной бумаге, что же тогда говорить о стереофотоснимках. В последней избушке при подходе к Нерунгне придётся проверить фотоаппарат. Пока поставил диафрагму 11, выдержку 60 и *решил* проверить глубину резкости, начиная с 1,4 до 5,6 метра.

Фотографирую избу Ивана Евсеевича с расстояния \approx 6 метров.

10. 07.1973

Выехал около 8-ми часов. Плыть было очень трудно – встречный ветер и явно большое течение. Около 12-ти был у Юкты, вошёл в неё на метров 100, чтобы убедиться, что это река, а не ручей, разлившийся после дождя. По компасу сверился с картой и *определил*, что до реки Нерунгны около 4 км, а где-то в 2 -3 км должна быть изба Ивана Евсеевича со

стороны левого берега. В 13 часов она показалась примерно там, где я рассчитывал её увидеть, т.к. это место хорошо запомнилось с прошлого года. Вид её на фоне горы был исключительный. Причалил к правому берегу и сфотографировал её, поставив метраж между 4 и 5,6, и только затем переправился на левый берег. Причалил в маленькой бухточке, от которой малоприметная тропка вела к избе. Кругом подстилка из опавших иголок. Около избы, в нескольких метрах от неё, обнаружил остатки (*следы*) костров. Решил всё-таки проверить, что под одним из них. Оказалось те же сосновые иголки и щепка – углей не было. Костры видно были зимними. Разводить на их месте свой не решился. Поэтому развёл его на берегу, в метрах 40-ка от избы. Сварил впервые за всю поездку картошку (*сухой концентрат пюре*). Она оказалась такой же безвкусной, как и тогда, когда для пробы, я это пюре сварил, в Москве. После обеда-ужина проверил фотоаппарат с намеченной дистанции и установленным метражом. После проявки плёнки, на установке 4 и 5,6 негативы получились нерезкими. Теперь мне всё стало ясно. В Усть-Чайке я уронил фотоаппарат, с одного объектива вывалилась его шестерёнка. Когда её вставлял, объективы завернул до упора и видно сбил настройку всего стереофотоаппарата. Что ж осталось ещё 9 катушек плёнки – есть шанс реабилитироваться.

11. 07.1973

Выехал около 6-ти часов. Как вскоре оказалось, река, которую я принял за Юкту-1, была Нерунгой. А та река, которую я проехал (*проплыл*) в 3 – 4 км от избы была Коно. В 11-10 был уже у реки Девано. На правом, противоположном от этой речушке берегу большой Ерёмы, в нескольких десятках метров от берега, полюбовался Урогонским озёром. В 16-30 подошёл к живописному берегу при впадении реки Юкта-2 (выяснить, может ошибочно, я назвал Юктой-1, *первую из рек*). Здесь и переночевал.

12. 07.1973

Выехал в 3-30. Через 3 км на правом берегу реки обнаружил полуразрушенный лабаз. Вышел, попробовал его раскатать. Ничего, не шатается, и видно по всему, хотя он покосился, что ещё постоит с десятков лет. Примерно в 1 - 1,5 км от него прошёл пережат (возможно при малой воде порог), за ним в 0,75 – 1 км увидел лабаз, которого в прошлом году не было, а также отремонтированное зимовье. Две другие избышки были полуразрушенными, хотя из одной, наверно, выйдет баня, к чему её видно и приспособливают. Зимовье очень маленькое, скорее всего на 1 человека, вдвоём там уже будет тесновато. Где-то в 11-30 подошёл к порогам, из которых вышел только около 16-ти часов. В шестом часу после устья Алтыба еле заметил признаки геологического посёлка, о котором мне говорил Валера Овсянников. Не мудрено, что в прошлом году, мы его не заметили. Пороги оказались большими. Я их расположил по системе пережат, *считая снизу вверх против течения реки*:

Пережат – 1 порог, 2 порог, 3 порог, 4 порог, 5 порог [1 гребень, 2 гребень, 3 гребень - тах, 4 гребень], 6 порог, 7 порог [4 гребня, 2 гребень- тах] – пережат. 1 и 3 порог - разгружал лодку; 2 и 4 порог – проволочек её не разгружая; при подходе к 5 порогу переправился на правый берег, т.к. левый стал обрывистым; 5, 6 и 7 порог волочил лодку, причём в середине шестого порога разгрузил лодку и пронёс свои три ящика и рюкзак 100 – 150 метров и не зря, т.к. в итоге зачерпнул там полную лодку воды.

На пережате перед Алтыбом провалился в промоину почти по подмышки, вылетел из неё как пробка и поволок лодку дальше.

Между 1-ым и 2-ым порогами чувствуется течение, между 2-ым и 3-ем порогами течение быстрее, использовал при подходе почти вплотную противоток.

Между 3 и 4-ым порогами вода прудит. Между 4 и 5 порогами быстрое течение, при переправе между ними боялся, что может снести в 4-ый порог. После 7 порога до переката вода прудит. Там река напоминает (*похожа на*) высокогорное озеро. Ширина более 100 метров.

После Алтыба чувствуется течение. При подходе к геологическому посёлку течение становится *ещё* быстрее, виден вдаль ещё один порог. Все Алтыбские пороги гремят (*шумят*), вздыбливая воду на 1 – 1,5 метра на протяжении десятков метров. Зрелище было захватывающее, хотя преодоление этих порогов вымотало *меня* окончательно.

Дня два решил провести в геологическом посёлке, приводя в порядок лодку и намечая дальнейшие маршруты. Поселок представляет собой три избы. Одна из них уже подремонтирована на половину и используется как зимовьё, вторая в сносном состоянии, уже наверно используется как баня, третья полуразрушена. Изба, в которой я остановился пятистенок с двумя отдельными входами в каждую комнату с наружи избы. По площади она равна примерно четырём двухместным охотничьим зимовьям, которые в этих местах возводятся повсеместно.

13. 07.1973

День отдыха. Проявлял плёнку. Пробовал сделать уборку в избе, удалось наполовину. Лодку вытащил на берег - думаю подконопатить. 14 июля буду изучать окрестности геологического посёлка.

14. 07.1973

Ходил по тропе, идущей от избы, фотографировать пороги. В двух километрах почти у берега обнаружил озерцо, с явно выраженным вокруг него вывалом деревьев. Выше его было болото с уровнем воды, выше уровня в озерце. В то же время уровень воды в озерце был выше уровня воды в реке. Пробовал копать микрошурфы топором. Углублялся максимум на 30 см. Ничего не нашёл, только натёр мозоль посередине ладони на правой руке. Думаю завтра затащить в озерцо лодку, измерить *его* глубину, а также ещё покопать, но только лопатой, которую смастерил сам из *найденного* ковша и палки. Лодку немного подлатал и затопил, *чтобы не рассохлась*. Воронку назвал именем Коненкина, который уверял когда-то руководителей КМЕТа, что метеорит упал за Преображенкой.

15. 07.1973

Около 4-х МВ отправился к “Коненкинской воронке”. Уточнил расположение избы. Она находится сразу же за вторым поворотом после устья Алтыба. В 5 метрах от тропы к ней, пережат или порог, в зависимости от уровня *воды в Большой Ерёме*. Когда я подплывал к посёлку, это был пережат, сейчас это явно порог. Течение усилилось и *уже* чувствуется, как сильно упал уровень воды в реке. При подходе к Алтыбу решил сфотографировать *его* устье.

Завтра намечаю подъём по Алтыбу вверх километров на пять. Нужно оценить, что представляет собой эта река. Пережат в \approx 1 км от Алтыба стал более ребристым, но всё ещё не представляет собой порога. Прошёл затёс, который я оставил в конце тропы, идущей к этому пережату. Наконец, подплыл к затёсу, который я поставил на подходе к “Коненкинской воронке”. На берегу я в последствии обнаружил квадратный выруб на лиственнице и места стоянок.

На этот раз я не брал с собой ничего, кроме лопаты, топора и ящика в качестве сиденья. Из продуктов захватил *с собой* пачку галет, югославскую колбасу в банке, которую потом привёз обратно *в избу* и несколько конфет.

“Югославская колбаса” это был “колбасный фарш” в 200-граммовой банке.

Когда я готовился к путешествию, то купил 30 банок этой “колбасы” и 30 банок такого же веса “чешского печёночного паштета”, из расчёта, что две банки в день должно было хватить на месяц. Но после третьей банки “паштета” и пятой банки “колбасы”, я понял из-за сильной изжоги, что эти мясные консервы, не что иное, как просто балласт, который жалко выбросить.

Предстояло затащить лодку в “Коненкинскую воронку” по берегу, что-то метров 15 – 20. Это не представляло особых хлопот. Затащив в “воронку” лодку, промерил глубину. В среднем метр. Пробовал нащупать что-нибудь на дне веслом. Дно не топкое. Только при сильном нажиме весло входило в грунт. Обнаружил твёрдые образования. Разделся. Вытащил недалеко от берега обгоревший кусок дерева. В другом месте наткнулся на ствол. Больше купаться не хотелось. Произвёл обмер воронки и фотосъёмку с различных точек, даже с двух наклонённых в верхнее болото лиственниц. Поднялся метров на 10 – 12. На том, после обхода верхнего болота, работы прекратил.

Вокруг “воронки” много бессистемно поваленных стволов деревьев, полусгнивших и покрытых мхом.

Вернулся около 10 часов МВ. Решил сходить поизучать окрестности. Взял спиннинг. Оказывается, посёлок не ограничивался этими тремя избами. Я обнаружил ещё пять полуразрушенных *построек*. Две, по крайней мере, намного превосходили ту, в которой я остановился. Две были примерно такой же величины. Также нашёл пару полуразрушенных землянок и две те самые *избушки*, которые я в прошлом году принял, *точнее, подумал, что они старательские* одноместки. Кругом остались поленницы с заготовленными дровами. Наткнулся на тропу с затёсами. Шёл по ней в гору и затем по её гребню около часа, пока не затерялись затёсы. Повернул обратно “спиннинговать”. У порога поймал пару щук.

Одну весом около 1 кг, другую около трёх. Большую зажарил, обернув предварительно в фольгу, а маленькую бросил в уже сваренный суп и переварил его заново.

16. 07.1973

Выехал около 4-х часов. Произвёл экскурсию на реку Алтыб. Сразу через 0,5 км *от устья* наткнулся на порог. Протащил по нему с 1 км лодку, затем оставив её там, пошёл по левому берегу пешком до первого ручья, который впадает в Алтыб примерно в 5 км от устья. Практически не доходя $\approx 0,5$ км до ручья, река представляет на этом участке сплошной порог. В начале от устья гребни *волн* чередуются с маленькими плёсами, а в конце плёсы несколько больше по своим размерам, кроме последнего *из них*, с весьма ощутимым, можно сказать быстрым, течением. Вернулся около *десяти часов*. Проявлял *плёнку*, печатал фотокарточки, а так же готовился к обратной дороге. Выезжаю завтра. Итак программа намеченная в Ерёме, после неудачи с лодками в Преображенке исчерпана. О реке Большая Ерёма до *самого* Алтыба теперь имелось, *можно сказать*, полное представление, об Алтыбе, хотя он для меня остался, *по сути*, белым пятном тоже кое-что стало известно. По крайней мере, я *видел, что* после *пройденных мной там* порогов просматривался далее плёс длиной более 1 км. Также найдена «Коненкинская воронка» и произведены в ней некоторые работы.

Решил взять с собой в Москву, один кедр высотой 10 см и проросшую кедровую шишку с тонкими зелёными, выстой не более 5 см. Выкопал кедры. “Большой кедр” поместил в полулитровую стеклянную банку вместе с грунтом, в другую такую же банку поместил также с грунтом проросшую кедровую шишку.

17. 07.1973

Выехал в 5-00 МВ. В 6-00 фотографировал Верховое болото и “Коненкинскую воронку”. Был у порогов в 6-30. Вышел с порогов в 12-00. Лодку с вещами дважды заливало. После порогов до 12-30 обедал. Достиг первой после порогов избы в 13-45 и в ней остался ночевать.

18. 07.1973

Выехал в 5-15 МВ. В 6-20 был у Юкты, в 8-15 у Девано. Почти не грёб из-за дождя с 5-30 до 7-30. В 10-10 был у Коно, ширина на устье 3 – 3,5 метра...

В 10-50 подошёл к избе Ивана Евсеевича. До 13-00 там обедал, переждал дождь, который слегка моросил, но где-то шёл с громом и молнией.

В 15-45 был в Хомакашево на зимовьях. Ночевал в зимовье с закрытыми ставнями.

19. 07.1973

Выехал в 5-20. В 6-00 был в бывшем селе Хомакашево. Осмотрел местность.

Осталось две полуразрушенных избы и яма от землянки. В 6-30 грибной ливень 10 – 15 минут. В 7-40 был у Бириями. В 9-15 прошёл порог Орокан, как пережат. Через полтора часа прошёл избу Ивана Евсеевича с разобранной крышей и пристал у порога Манго, где я встретился, поднимаясь вверх с геологом Овсянниковым. Его там не было. Два дня назад он вылетел в Преображенку. У порога был разбит лагерь геологов.

Когда прибывшим туда коллегам Валера Овсянников рассказал, что тут один турист прошёл вверх не под мотором, а на вёслах, ему просто не поверили. Теперь они молча смотрели на меня, около десяти человек, стоящих в два яруса – первый ярус удил рыбу, а второе ярус наблюдал за этим процессом. Они даже забыли от неожиданности моего появления, что перед этим занимались рыбалкой.

После разговора с Манго, случайно узнав, что недалеко отсюда находится провал, который искал Коненкин, решил сделать рейд к “сонару”, то есть к провалу 40 x 40 x 20 метров. Всего, как мне сказал Манго, отсюда было 8 км до устья ручьев (Левого и Правого Сонаров). Около 15-ти МВ пошёл и вернулся около 22-х МВ, ничего там не обнаружив и немного проплутав по геологической просеке.

Решение идти в столь позднее время, было принято ещё потому, что геодезическим отрядом, примерно в 100 метрах от стоянки геологов, почти «до самого места слияния Правого и Левого Сонаров, была прорублена просека для геофизиков, в направлении с запада на восток. Через равные промежутки времени на ней даже были установлены вешки, на открытых безлесных и заболоченных местах. Сначала я почти бежал по просеке, но потом, для удобства, достал компас и, выбрав направление на восток, стал ориентироваться по немецкому жидкостному компасу, но вскоре убедился, что я начал отклоняться от просеки к западу. Пришлось снова вернуться к просеке и взять направление на восток. Через некоторое время я снова понял, что стал опять отклоняться к западу. Вернувшись снова к просеке, я положил компас в карман, и дальше бежал, уже

ориентируясь только на просеку, и расставленные на ней вешки. Практически вся местность представляла собой безжизненное пространство, после большого пожара 1972

года. Иногда натыкался на сгоревшие большие муравейники, но, приблизившись к одному из них, рядом с чудом уцелевший во время пожара берёзой, я к своему удивлению обнаружил, что в этом муравейнике кипела жизнь. Теперь приходилось более внимательно смотреть под ноги, чтобы не угодить в гости к муравьям, но больше уцелевших во время пожара муравейников, я не встретил.

Возвратившись в лагерь к геологам, на вопрос руководителя геодезического отряда, какой результат “ночного рейда”, я ответил, что завтра повторю попытку, поискать “провал” с утра пораньше. В свою очередь я сказал ему, что, судя по поведению компаса, складывается впечатление, что здесь может быть месторождение железной руды. Геодезист заинтересовался моим компасом, долго крутил его в своей руке, а потом сказал:

- Никогда бы не подумал, что по этой с виду игрушки, можно было установить, что я дал тут маху. Видишь ли, у меня забарахлила буссоль, но я понял, что ошибся градуса на два только тогда, когда мы уже закончили прокладывать эту просеку. Хотели прорубить просеку заново, но геофизики сказали, что такая погрешность, для их приборов, не имеет существенного значения.

Я высказал своё удивление, что встретил живой муравейник, но геодезист сказал, не знаю в шутку или в серьёз, что большие муравейники во время пожаров, часто остаются целыми, потому что муравьи справляются иногда с подступающим к ним огнём.

20. 07.1973 - 21. 07.1973

Сделал ещё две попытки обнаружить “Сонар”. Второй раз облазил ближайшие горы. В третий раз шёл по абрису, уже зная координаты (получил от геологов, которые даже консультировались по рации с коллегами, которые работали в другом месте) от высоты 388, далее 2,5 км, А-288°. Поднявшись от развилки, (места слияния Сонаров), по левому ручью около 10 км, я свернул и пошёл по указанному мне азимуту, но, пройдя по нему 4 км, уткнулся в болото.

Покрутившись около него, решил поиски прекратить, подумав, что по азимуту от произвольной горы, можно идти с тем же успехом и от Ерёмы.

После второй неудачной попытки найти “провал”, я снова стал выяснять у Толика Манго, уже водя пальцем по карте, где всё-таки он вышел к нему или хотя бы, откуда шёл, потому что не в болоте же он пас своих оленей. Толик начал снова объяснять, потом явно запутался и, в конце концов, признался, что там он никогда не был.

22. 07.1973 - 24. 07.1973

Шли дожди. После последнего рейда к “Сонару” начал кашлять. Пил горячий чай, сгущёнку и в итоге вылезился.

Когда я пошёл на поправку, один из рабочих геологического отряда, решил мне показать, как он роет шурф. Траншея была уже глубиной около двух метров. С двух её сторон уже были два вала вынутого грунта, и было неясно, как можно дальше при помощи короткой лопаты выбрасывать из этой траншеи грунт, чтобы он не ссыпался обратно. Когда я спросил “горняка”, так называли в геологической отрядах, этих рабочих, что он собирается делать с вынутым грунтом, - отбрасывать его дальше или будет копать другую траншею? - он мне ответил, что будет копать дальше, так как до скальной породы осталось всего полметра. И спустившись в траншею, показал, как теперь он будет

выбрасывать грунт, через голову назад. Грунт вылетал из траншеи узкой полосой метров на пять, и со стороны могло показаться, что в траншее был не человек, а какое животное или землеройная машина.

Вернувшись в лагерь геологов, я выразил свое восхищение работой “горняка” начальнику геологического отряда, а тот, покачив головой, сказал, - да за этими ребятами, нужен глаз да глаз.

- А. что, разве что-нибудь не так? - пришлось уточнить мне.

- Да, после двух метров, нужно делать опалубку, - объяснил мне геолог, иначе может человека засыпать. Как правило, редко здесь где шурфы превышают глубину более двух метров, но иногда случается, что могут доходить и до пяти.

Так у меня один раз было. Пошёл проверять работу на отдалённый участок, чтобы проверить, почему так долго один из рабочих, не может закончить свой шурф, а когда подошёл, то не знаю, как у меня сердечный приступ не случился. У меня даже голос пропал, когда я увидел на глубине около четырёх метров своего работягу. Чуть ли не шёпотом стал его звать, чтобы он поднялся наверх. Боялся, если крикну того, что может обрушиться грунт, а тогда не знаю, как бы мы его откапывали без экскаватора.

Геолог закурил и предложил мне подойти к одной из геологических палаток:

- Знаешь, с какими людьми здесь приходится работать, что ни говори, ничего не понимают и даже для себя ничего не хотят делать. Вот посмотри, один сделал себе нары, а у изголовья прибил обгоревшую чурку. Сам пачкается, вымазал спальник, но чтобы прибить чистую палку или обстругать эту чурку, то, сколько ему не говорил, всё равно этого не делает!

И то в прошлый год было у меня человек двенадцать хохлов, настолько жадных, что они решили в день обходиться одной банкой свиной тушёнки, чтобы во время расчёта с ними поменьше сделали вычет за продукты. Я спорить с ними не стал, ведь шурфы сам не копаю, только выдаю задание, да провожу анализы взятых проб и обнаруженных в шурфах минералов.

А что такое одна банка свиной тушёнки на день в ведре супа или перловой каши?

Да, просто ничего. А после того, как поработаешь киркой или лопатой, то после такого обеда было неудивительно, хотя ребята были крепкими, что у них начала с голодухи начала кружиться голова. Увеличили норму сначала до двух банок, а потом довели до восьми в день – по четыре и в суп, и в кашу. Хорошо, что ещё в тот год можно было поймать иногда рыбу, подстрелить глухаря или утку, а то, наверное, им и 12 банок в день, тогда бы не хватило.

Но эта бригада хохлов золото по сравнению с теми, кем порой комплектуются геологические партии. Штатное расписание утверждается где-то в конце апреля, а в мае нужно уже комплектовать отряды. А где за короткий срок набрать столько народа? Вот и отправляют уполномоченных на Ангару. Есть у нас там место с полузатопленными, списанными баржами и речными судами.

Уполномоченный находит одну из барж, где он уже интуитивно догадывается, могут зимовать “бичи” (бывшие интеллигентные люди) и начинает стучать ногой по люку. Люк открывается, из проёма показывается голова с впавшими скулами, и с выражением лица, уставшего от жизни человека, и оттого возмущающего, что ему помешали отойти в мир иной:

- Чего припёрся? И какого х...я, тебе здесь надо!

Уполномоченный предлагает работу в геологической партии, называет приблизительно место, где придётся работать, как будет производиться оплата, и самое главное, через сколько дней они уже получают аванс.

- Сколько человек нужно, - только спрашивает «бич», который явно там у них за главного, и когда узнает, что нужно человек двести, говорит, - хорошо, завтра будем в конторе.

Он даже не интересуется адресом конторы, так как уполномоченные наведываются туда каждую весну и куда идти все «бичи» прекрасно знают.

Начальники партий боятся только одного, как бы кто не написал мелом на ближайшем заборе: «Ребята, вас здесь об...бут» и тогда можно ставить крест на быстром развёртывании работ, если вообще не сорвать все запланированные работы.

Утром горожане могут наблюдать шествие к геологической конторе странных оборванных личностей, с явными признаками дистрофии, которые ещё удивительно как могут передвигать ноги. Конечно, толку от этих работников никакого, но геологическое начальство нашло выход и поэтому мне больше не кажется странным, что геологические посёлки всегда располагаются в труднодоступных местах, от которых до ближайшего населённого пункта не каждый человек может без риска для жизни самостоятельно добраться. Вот в эти места и доставляются эти «работники», после того как они пропьют выданный им аванс, где их не меньше от недели до десяти дней сначала откармливают, чтобы могли держать в руках лопаты и работать киркой, а потом распределяют по геологическим отрядам.

Видно у геолога очень сильно наболело на душе и в моём лице, он нашёл такого человека, перед которым можно было поисповедоваться:

- И вообще, я не могу понять наших начальников отделов кадров. Кого они нам только не присылают. В этом году прислали вообще больного человека, с явными признаками ожирения, весом больше двухсот килограмм. Повёл я его на работу в трёх километрах от нашего лагеря, не прошли и полпути, как этот «горняк» сел на пень, бросил на землю инструменты и сказал, что дальше идти не может и если упадёт, то уже наверно не сможет подняться. Тут уж я по-настоящему испугался, - а что, если он действительно упадёт и что я, потом, буду делать с этой тушей. Посидели мы с ним час. Потом я взял инструменты (кирку с лопатой) и его сумку с продуктами и пошёл с ним обратно. Что я высказал затем по рации своему начальству, они мне наверно никогда не простят. Но этого работника не отозвали, а сначала посоветовали использовать его в качестве повара. Правда и повар из него не получился, потому что его нужно было несколько раз в день водить на реку мыть руки. Тут уж даже непривередливые в этих местах к приготовлению пищи люди начали возмущаться, да так, что этого работника пришлось срочно отправлять на вертолёт к нашему геологическому начальству. Рассказам геолога, казалось, не будет конца, но нас позвали ужинать, а там после чая, уже пора было расходиться по палаткам. Я пошёл к палатке Валеры Овсянникова, где ночевал все эти последние дни.

Следует снова отметить, что к этому времени я попал в довольно странное для путешественника положение. Имея более 40-ка двухсотграммовых банок югославской колбасы и чешского печёночного паштета, я после третьей банки паштета и пятой банки колбасы получил такую изжогу и такое отвращение к этим мясным деликатесам, что старался на них даже не смотреть. Эти деликатесы явно были предназначены для закуски, после выпивки, но не для постоянного употребления. Поэтому я предложил геологам произвести обмен за каждые мои две банки деликатесов, по одной банке, из имевшихся у них консервов - тушёнки, сосисочного фарша, мясного паштета и сгущёнки. Предложение было с радостью принято и чувствуется, что эти импортные банки, содержимым которых я уже не раз их угощал, они поделили между собой, как заморские в ярких обёртках сувениры, возможно, даже для того, чтобы отвезти домой.

25. 07.1973

Выехал в 5-50 МВ.

8-50 - устье реки Сонар, ширина 3 метра.

С нескрываемым удовольствием съел прямо в лодке банку сосисочного фарша отечественного производства, вспомнив басню Сергея Михалкова в том, теперь мне хорошо понятном, смысле, “своё бранят, чужое хвалят, а сало русское едят”.

10-45 – Кирикан.

13-00 – Был у порога, собирал халцедоны, небольшие по размерам и разнообразные по цвету.

14-30 – был в избе-полуземлянке.

18-30 – прибыл в Усть-Чайку. Посёлок был пуст.

26. 07.1973

Выехал в 8-15.

10-20 – был у порога с избой. Прошёл порог, не выходя из лодки, хотя и было страшновато. В результате согнал меланхолию, поселившуюся в душе от монотонности плавания по плёсам.

Через 10 км прошёл также другой порог, более сильный (больше первого).

15-40 – был у Бура.

16-40 – прошёл Бур.

17-05 – подошёл после двух небольших перекатов к ПРК (большому перекату).

За ним \approx в 1 км порог Евкит (Авкит).

17-20 – порог Евкит. Рядом с порогом у омута почти круглой формы – изба, самая лучшая на всей Большой Ерёме. Компас немного барахлит. Думаю более детально проверить это место в 1974 году.

27. 07.1973

Утром замерил в различных местах глубину омута \approx 2 метра. Вышел в 6-20. У Ворона встретился с рыбаками из Преображенки, которым помог перебраться через него. Как они потом признались, вдвоём дюральку им было бы не понять. Следует отметить, что эта встреча имела странный характер. Когда я подплывал к Ворону, то увидел сверху, как к нему подплыла моторная лодка, на которой было двое мужчин и подросток. Лодка причалила к левому берегу, рыбаки не могли видеть меня на фоне торчащих из воды больших валунов. Подросток вышел из лодки, в которой стояло пара больших бочек, напоминающих градирни в миниатюре, а мужчины повели лодку к порогу. К носу лодки был привязан шест. Один из мужчин тянул лодку, держась за перекинутую через плечо верёвку, а второй отталкивал лодку шестом от берега, к которому прижимало её быстрое течение. Неожиданно для них я приподнялся в лодке, чтобы разгрузить и провести её вниз, что привело рыбаков в явное замешательство. Они сразу же причалили лодку к берегу. Один из мужчин привязал лодку к вбитому кем там колу, а другой сразу же стал собирать лежавший на берегу сушняк, явно показывая, что намеревается развести костёр. Рыбаки явно были напуганы моим появлением, да и мне было не совсем по себе. Но

делать было нечего, и я стал спускать вниз по порогу, пустую лодку, кормой вниз, упираясь ногами в дно, то, отпуская верёвку, а то наоборот, когда лодка налетала на камни, вытягивая её назад и направляя в другую протоку.

За порогом, недалеко от рыбаков, я вытащил лодку на берег и за две ходки перетаскал свои вещи. Поздоровался с рыбаками, узнал, что они приплыли из Преображенки порыбачить. Разглядывая их арсенал, состоящий из карабина, двустволки малокалиберной винтовки и основную «снасть» состоявшую из двух деревянных бочек, у которых дно было шире, закрывающих их крышек, я понял, что рыба явно должна быть с рогами. Когда они поинтересовались кто я, то на всякий случай решил соврать, что я из геологической партии, плыву в Ерёму, а оттуда должен слетать в Ербогачён, чтобы ускорить заброску необходимого там снаряжения и продуктов.

- А много ли там работает народа? – поинтересовались они.

- Да нет, - успокоил их я, - всего человек двести. “Мужики” переглянулись и решили уточнить, где развернула работы моя геологическая партия.

- Недалеко от Хомакашева, - ответил я, и лица рыбаков сразу просветлели.

- Мы так далеко не собираемся, вот решили на Большой Чайке порыбачить, - сказал один из них седовласый мужчина, с внешностью партийного работника, как будто сошедшего с экрана кинотеатра или телевизора, положительного персонажа.

- А зачем так далеко, - переспросил я, - можно и здесь наловить рыбы, щука сама готова из воды в этом году выпрыгнуть, не то, что, если ей бросить блесну. – Могу, если хотите помочь, только дайте блесну, а спиннинг у меня есть.

Мне было интересно, как отвертятся от моей услуги “рыбаки”. Но это им удалось, что можно только удивляться изворотливости русского мужика даже припёртого, на месте преступления, к стенке.

- Нет, щука нам не нужна, хотели бы наловить язёй или ещё более благородной рыбки, - последовал ответ, но я понял, что тут имеется в виду, не запрещённый в этих местах, лов сига.

После того, как простился с “рыбаками”, встретил старика эвенка с женой. Немного поболтали, и я поплыл дальше. После чума эвенка \approx в 5 км от Ворона, встретил Мишу из Ерёмы, который плыл к деду. От него я узнал, что у избы находятся москвичи из института леса. Там я с ними и встретился, а Миша не найдя деда, возвратившись назад, предложил подбросить меня в Ерёму. Последние 17 км я уже можно сказать отдыхал в его дюральке (моторной лодке).

28. 07.1973 – 30. 07.1973

Жил в Ерёме у Юрьевых. Молодые (Костя с Галей) были в Братске. Дома осталась только Клавдия Ивановна (мать Кости), которая очень плохо себя чувствовала, у неё болели руки. У неё в доме меня навестил Василий Семёнович очевидец падения ТМ (Тунгусского метеорита). Говорил, что подобно мне, никто ещё так далеко без оружия и собак, не забирался, да и имея всё это вряд ли б решился всё равно. Сам он доходил только до Усть-Чайки.

31. 07.1973

Через Преображенку, Непу, Чечуйск и Киренск добрался до Иркутска. В Непе познакомился с туристами из Ленинграда.

Может показаться, что я что-то напутал, упомянув Чечуйск в качестве промежуточной посадки, и дотошный исследователь, изучая маршруты полётов тех лет, скажет да разве можно верить какому-то дневнику, когда это не подтверждается официальными документами. Но всё было действительно так. В том рейсе вместе с двумя полётами летел ещё, то ли инструктор, то ли какой-то их начальник, который сидел во время полёта на цепочке, пристёгнутой между двумя креслами пилотов. Когда вылетели из Непы, он видимо, чтобы размяться, минут через двадцать вошёл в “салон” Ан-2 и, обратившись к пассажирам, спросил:

- Ну что, все тут летят до Киренска?

В салоне засмеялись, потому что по маршруту, уже не было других населённых пунктов, кроме одного Киренск. Только сидевшая со мной рядом женщина с ребёнком, не без грусти в голосе, сказала, что ей надо в Чечуйск и в Киренске придётся с ребёнком ночевать на дебаркадере в речном порту, и уже утром на “Заре” добираться до дома. Смех сразу прекратился, а “инструктор” с невозмутимостью в голосе, ответил женщине:

- Что же не предупредили пораньше, но ничего, сейчас высадим вас в Чечуйске. Инструктор отправился в кабину пилотов, что-то сказал им и самолёт, сделав небольшой разворот, пошёл на посадку. Как только мы приземлились в Чечуйске, и не успела ещё женщина с ребёнком выйти из самолёта, как из какого-то сарая, недалеко от “аэропорта”, выбежали с рюкзаками двое мужчин и, теряя на бегу вещи, которые в спешке, видимо, не успели упаковать, буквально через минуту оказались у самолёта. Попросив минуточку подождать, один из мужчин, толком не отдышавшись, побежал подбирать упавшие вещи, а второй что-то силился объяснить “инструктору”, но тот, не вникая в смысл его слов, махнул рукой, давая понять, что берёт их на борт.

1. 08.1973

Ходил с туристами по Иркутску, отправил с ними байдарку. Изучал формальности отправки грузов. Около 9 часов МВ распрощался с ними. Они полетели на Ольхон. Купил сигареты и блёсну, обещанные Овсянникову и отправил ему. Написал письмо Насте (девушке, с которой познакомился в поезде, когда ехал в Иркутск). Её письмо и перевод от матери, получил ещё утром. О письме... (на этом записи в дневнике прерываются).

2.08.1973

(Записная книжка)

Отрадно было слышать, после Красноярска, по радиотрансляции поезда, что под Ванаварой развернули работы комплексные экспедиции. Особо было подчеркнуто, что вероятно дело здесь не в метеорите, а в маленькой комете. “Учёные” ведут поиск к югу от посёлка, где большая вероятность найти что-нибудь. 10-35 МВ.

Поезд Владивосток-Москва.

Что-же, я кончил сезон – они только начали. Пути разошлись навсегда.

Ванавара XXXVI лет спустя

Прилетев в Ванавару в пятницу тринадцатого, в тринадцать часов с чем-то минут, и, увидев на площади аэропорта такси с надписью «работает круглосуточно», я сначала подумал, что это проделки Воланда и наверно бы не удивился, если бы следом за ним вдруг показался трамвай. Во всяком случае, в фильме «Человек с бульвара Капуцинов» у одного из героев, в исполнении артиста Николая Караченцова, при виде поезда поднялись волосы под шляпой, у Константина Коханова, от вида такси в селе Ванавара, волосы приподняли кепку.

И в этот раз, вспомнив молодость, я решил для правдоподобности немного приврать и представиться академиком Василием Петровичем Вернатским, разумеется, не в Ванаваре, а непосредственно на Заимке Кулика, в кругу авторов многочисленных гипотез по природе Тунгусского метеорита. На одном из этих «учёных», в амплуа В.П.Вернатского, я уже успел потренироваться, во время его лекции 13 декабря 2007 года (В.А. Ромейко – «Экспедиция к месту Тунгусской катастрофы летом 2007 года») в московском географическом обществе. Перед лекцией я даже подписал этой фамилией «адрес» к 80-летию бывшего заведующего базой Ванаварской геологической экспедиции в шестидесятых годах прошлого века В.А. Цветкова. Владимир Цветков очень красочно прокомментировал фильм, показанный В.А. Ромейко после его лекции, что несколько смазало весь пафос выступления последнего о его личном вкладе в решение проблемы Тунгусского метеорита. После лекции, я тоже попросил В.А. Ромейко подписать, принесённую мной его книгу «Огненная слеза Фазтона» для Константина Коханова, сказав, что «старик» очень обрадуется, получив его автограф, заодно показав книгу этого путешественника, которую он якобы попросил меня просмотреть и если будет время отредактировать. Не получив в подарок книгу К.П. Коханова, В.А. Ромейко сразу потерял к В.П. Вернадскому интерес, ещё не зная, что перед ним «академик». Эту книгу В.А. Ромейко я подарил Ванаварской библиотеке с кратким описанием истории получения этого автографа, которая мной была сделана на её развороте.

Выгрузившись из самолёта в Ванаваре, я на вопрос одного из работников аэропорта, - не на «метеорит» ли я собрался? - ответил, что нет, потому, что он здесь никогда не падал.

Такси тем временем, захватив кого-то из прибывших со мной на самолёте пассажиров, уехало и мне пришлось воспользоваться услугами частного. На вопрос, - хватит ли ему 200 рублей, чтобы отвезти меня на берег Подкаменной Тунгуски? - водитель сказал, - что хватит и половины, - но я всё равно отдал ему, к его немалому удивлению, 200 рублей. «Частник» поинтересовался, - куда я направляюсь? - и я, чтобы не привлекать к своей персоне никакого внимания, сказал, - что буду спускаться вниз по Тунгуске до Байкита, а если хватит отпуска и сил то и подальше, вплоть до Енисея, хотя это мало вероятно.

К сожалению, надувной каяк, с которым были тесно связаны мои планы «как академика», не оправдал надежд, и после километрового плавания по Подкаменной Тунгуске, я пристал к берегу в метрах двухстах за нефтебазой. Поставил палатку, и перетащив к ней свой каяк, переночевал там и утром, снова, став самим собой и оставив на берегу всё своё снаряжение, вернулся пешком в Ванавару. Вскоре, наткнувшись, рядом с пустой площадью на новый забор, за которым виднелись свежестроенные постройки эвенкийской таёжной архитектуры и, подумав, что это и есть ГПЗ «Тунгусский», я вошёл внутрь огороженного пространства. На всякий случай поинтересовался у одного из сновавших там мужчин, что это за заведение. Оказывается, это был почти уже готовый открыться после реставрации ванаварский музей, проводившейся по плану мероприятий благоустройства Ванавары, связанных со 100-летием падения Тунгусского метеорита. Директор музея оказалась на месте и меня сразу же ей представили, вернее, представился

я сам, а меня только к ней привели. В музее уже почти была готова экспозиция с историей изучения этого небесного гостя, и я оказался первым посетителем, который ознакомился с представленными для общего обозрения экспонатами. С лёгкой руки директора музея Риммы Пироговой, которой я подарил свою первую книгу «Таёжный дневник», одну из 20-ти этих книг, взятых с собой и отправленных до востребования мной себе в Ванавару, я стал московским писателем. А после вопроса одной из женщин Ванаварской администрации, - кто я такой? - перед заселением меня в «гостиницу» и усвоившей из моего ответа, как любая деловая женщина только первое слово, - «независимый» исследователь, - и сказавшей потом, - понятно из «Независимой газеты» – нужен компрометирующий материал, - я превратился, заодно, и в журналиста.

Это дало мне возможность пообщаться с моими московскими «коллегами», как говорится, на их поле и при этом особо не испачкаться в грязи, несмотря на то, что Рогаткин из «Вестей России», выставил меня на всеобщее обозрение, мягко говоря, полным идиотом. Хорошо, что съёмка велась одновременно и на мою видеокамеру и есть с чем сравнить, что и в каком контексте было сказано, а не практически одно и то же, о чём на другом телеканале, говорил в шутку космонавт Георгий Гречко.

Но это было потом, после моего возвращения с Заимки Кулика, а первым делом, чем поинтересовалась директор музея, было то, где я остановился. Узнав, что я оставил всё своё снаряжение на берегу, она проявила беспокойство, что его могут там украсть, и посоветовала мне перевезти его временно к ней в музей.

Она также сказала, что вскоре на Заимку Кулика должен лететь вертолёт со стройматериалами для реставрации этого исторического

если хватит отпуска и сил то и подальше, вплоть до Енисея, хотя это мало вероятно.

К сожалению, надувной каяк, с которым были тесно связаны мои планы «как академика», не оправдал надежд, и после километрового плавания по Подкаменной Тунгуске, я пристал к берегу в метрах двухстах за нефтебазой. Поставил палатку, и перетащив к ней свой каяк, переночевал там и утром, снова, став самим собой и оставив на берегу всё своё снаряжение, вернулся пешком в Ванавару. Вскоре, наткнувшись, рядом с пустой площадью на новый забор, за которым виднелись свежеструганные постройки эвенкийской таёжной архитектуры и, подумав, что это и есть ГПЗ «Тунгусский», я вошёл внутрь огороженного пространства. На всякий случай поинтересовался у одного из сновавших там мужчин, что это за заведение. Оказывается, это был почти уже готовый открыться после реставрации ванаварский музей, проводившейся по плану мероприятий благоустройства Ванавары, связанных со 100-летием падения Тунгусского метеорита. Директор музея оказалась на месте и меня сразу же ей представили, вернее, представился я сам, а меня только к ней привели. В музее уже почти была готова экспозиция с историей изучения этого небесного гостя, и я оказался первым посетителем, который ознакомился с представленными для общего обозрения экспонатами. С лёгкой руки директора музея Риммы Пироговой, которой я подарил свою первую книгу «Таёжный дневник», одну из 20-ти этих книг, взятых с собой и отправленных до востребования мной себе в Ванавару, я стал московским писателем. А после вопроса одной из женщин Ванаварской администрации, - кто я такой? - перед заселением меня в «гостиницу» и усвоившей из моего ответа, как любая деловая женщина только первое слово, - «независимый» исследователь, - и сказавшей потом, - понятно из «Независимой газеты» – нужен компрометирующий материал, - я превратился, заодно, и в журналиста.

Это дало мне возможность пообщаться с моими московскими «коллегами», как говорится, на их поле и при этом особо не испачкаться в грязи, несмотря на то, что Рогаткин из «Вестей России», выставил меня на всеобщее обозрение, мягко говоря, полным идиотом. Хорошо, что съёмка велась одновременно и на мою видеокамеру и есть

с чем сравнить, что и в каком контексте было сказано, а не практически одно и то же, о чём на другом телеканале, говорил в шутку космонавт Георгий Гречко.

Но это было потом, после моего возвращения с Заимки Кулика, а первым делом, чем поинтересовалась директор музея, было то, где я остановился. Узнав, что я оставил всё своё снаряжение на берегу, она проявила беспокойство, что его могут там украсть, и посоветовала мне перевезти его временно к ней в музей.

Она также сказала, что вскоре на Заимку Кулика должен лететь вертолёт со стройматериалами для реставрации этого исторического места и мне можно будет договориться с директором ГПЗ «Тунгусский» Людмилой Логуновой, чтобы он перевёз туда и меня.

И что было для меня полной неожиданностью, она на своей машине отвезла меня в дирекцию ГПЗ «Тунгусский», где до прихода директора, я познакомился с туристами из Новосибирска, которых она, как своих земляков, там временно приютила, после их водного путешествия по Подкаменной Тунгуске. Пообщавшись с директором заповедника, и в принципе договорившись, что меня на вертолёте доставят на Заимку, я с двумя туристами из Новосибирска отправился на такси к месту моей стоянки на берегу Подкаменной Тунгуски. По пути туда мы заехали в магазин, где я купил simm-карту местной сотовой связи. Погрузив всё своё снаряжение, которое очень хотелось посмотреть туристам, в такси, мы быстро доехали до музея, где после того, как было выгружено моё снаряжение, я попросил таксиста отвезти туристов обратно в ГПЗ «Тунгусский», договорившись с ними, что мы ещё обязательно встретимся.

Каяк свой я подарил ванаварскому музею, чтобы сотрудники музея, если возникнет необходимость, могли использовать его для своих этнографических экспедиций. С туристами из Новосибирска встречался перед отлётом на Заимку Кулика два раза у них в помещении ГПЗ «Тунгусский» и в музее, когда меня попросили остаться там, в качестве ночного сторожа. Поэтому там, уже в качестве экскурсовода, ближе к полночи, я мог показать им экспозицию музея, задолго до его официального открытия.

16 июня 2008 года я вылетел на Заимку Кулика, где в то время заканчивались реставрационные работы и там кроме двух инспекторов, двух Андреев - Аксёнова и Ворушило, осуществлявших охрану заповедника, ударно трудились последние двое рабочих, которые представились мне, как шабашники – Пётр Юрков и Алексей Шаталов. Им оставалось только достроить два туалета для VIP-персон и что-то поправить на вертолётной площадке.

Можно сказать, что на Заимке Кулика моё пребывание с самого начала находилось, как бы в подвешенном состоянии. Всё время приходилось помнить, что директор ГПЗ «Тунгусский» Людмила Логунова предоставила мне возможность побывать там, только на время нахождения там последних «реставраторов», занятых там возведением этих двух VIP-туалетов, в дополнение к двум уже существующим. Возводились они поближе не к избам, а первый - к вертолётной площадке и второй - к началу троп к «камню Джона» и к Пристани на Хушме или точнее в конце тропы с Пристани на Заимку. В этом была своя логика, так как уважаемых туристов и VIP-персон могло «прохватить» в конце любого из мероприятий (от перелёта и выгрузки на болоте или пешего маршрута на вершины Стойковича или Фаррингтона, под конвоем двух инспекторов, охраняющих этот «заповедник»), явно не рассчитанных для праздного любопытства.

К тому времени ямы под туалетами были выкопаны, скорее, продолблены в мерзлоте и я попросил Алексея показать мне все камни, которые, как я выразился, они с Петром достали из этих «шурфов», которые подобно этим, здесь обычно долбят научные работники. Передолбив обухом охотничьего топора, все вынутые там камни, и ничего

интересного в составе их не обнаружив, я оставил плоды своего труда на прежнем месте, для более детального анализа этих образцов членами очередной КСЭ из Томска и его окрестностей вплоть до Красноярска и Новосибирска.

В тот же день, почти сразу после отлёта вертолётa с Заимки, мне предложили сходить на «Пристань» со всеми в баню. Я с радостью согласился, а Пётр отказался, сказав, что всё равно через два дня будет в Ванаваре и там он уже тогда, как следует, сможет попариться. Его легко было понять. Идти 8 километров до бани и на следующий день столько же обратно – это всё равно, что не мыться совсем.

Самым интересным местом, отмеченным во время этого путешествия в баню, был водопад Чургим. Таким я его ещё не видел, потому что раньше проходил мимо него в конце августа 1971 года, и в июле-августе 1972 года, когда он напоминал, падающий сверху в озеро, небольшой ручей. Говорят, что ранней весной этот водопад слышно аж за двадцать километров, и он имеет более живописный, если не фантастический вид.

На обратном пути с кордона «Пристань на Хушме» мы с Алексеем, вели поочередно непрерывную видеосъёмку тропы Кулика до тех пор, пока в камере не разрядился аккумулятор, но это уже произошло за водопадом Чургим, так что всё, что было там интересного, мы всё-таки сняли.

До 19 июня 2008 года трижды поднимался на гору Стойковича к «камню Джона», который, после своих раскопок в 1972 году вокруг него и находки там камня такой же структуры, я был три дня уверен, как и Джон до сих пор, что это и есть Тунгусский метеорит. Обнаружив недалеко от «камня Джона» пень с прибитой к нему дощечкой со стёршейся от времени надписью, я не удержался от искушения, чтобы не написать на ней, начертив стрелку по направлению на исторический объект: «Памятник человеческой глупости 1972 года». В третий раз я поднимался на гору Стойковича вместе с инспектором Андреем Аксёновым, которому меня попросил старший инспектор Андрей Ворушило показать этот объект, так как тот, там ещё ни разу не был. Благодаря этому обстоятельству у меня появилась возможность сфотографироваться на «камне Джона». Мне было известно, что камень Джона почернел, но я не думал, что настолько и поэтому ссылка некоторых товарищей на то, что таких «камней» поблизости нет, у меня вызвало большое сомнение, потому что, на камни подобного цвета здесь никто никогда не обращал внимания.

Думаю, что Джон сделал глупость, ведя раскопки вокруг камня, а, не изучая снятый с него мох, который довёл его камень до «метеоритной кондиции», запечатлённой на моей, приведённой в этой книге, цветной фотографии.

19 июня 2008 года, после долгого ожидания на вертолётной площадке, наконец, улетели в Ванавару Пётр и Алексей. А на следующий день на Заимке Кулика, по пути в Туру, высадились первые московские гости в сопровождении местного начальства и директора заповедника Людмилы Логуновой. Разочарованные отсутствием кратера, образованного взрывом Тунгусского метеорита и примитивностью таёжного деревянного зодчества, они поспешили покинуть эти заповедные места для более приятного времяпровождения в столице Эвенкии.

От предложения Людмилы Логуновой покинуть Заимку, вместе с этими товарищами я отказался, и она, слава Богу, пошла мне навстречу.

Инспектора, которые прожили в палатке на Заимке Кулика почти месяц, перед отлётом Людмилы Логуновой, попросили у неё два дня отдыха в человеческих условиях на кордоне «Пристань на Хушме». Таким образом, я снова оказался там, полюбовался по пути туда и обратно снова водопадом Чургим, а самое главное получил возможность провести хотя бы какие-то «научные изыскания».

Собственно говоря, поиском фрагментов «Тунгусского метеорита» или «инопланетного космического корабля» я занимался только 21-22 июня 2008 года на небольшом пространстве по обе стороны от кордона «Пристань на Хушме» по обоим берегам в это время обмелевшей реки. И надо же, получилось так, что самые интересные находки были сделаны непосредственно на каменистом берегу реки Хушмы, прямо под обрывом, над которым располагались постройки самого кордона.

Считаю, что после 1971 года, мне так с находками больше не везло и пусть это не «метеориты», но зато есть, на что с интересом посмотреть и даже научно пофантазировать.

После возвращения 23 июня 2008 года на Заимку Кулика, я вечером того же дня отправился с инспектором Алексеем Аксёновым на озеро Чеко, которое итальянские «учёные» считают затопленным кратером образованным после падения Тунгусского метеорита и даже намереваются там, на глубине более 50-ти метров, провести буровые работы. Хорошо ещё, что они не собираются осушить это озеро, как Леонид Кулик, в своё время, Клюквенную воронку.

Старший инспектор А. Ворушило, предлагал мне для этой цели воспользоваться новой тропой, которая всего на два километра длиннее старой, но зато идёт в обход болот, не как старая более 6 км из 12-ти, но я отдал предпочтение старой тропе, по которой ходил в 1972 году. Хотелось почувствовать снова, как всё было в 1972 году, потому что тогда в дневнике, я никак не отразил о ней своего впечатления.

Вероятно оттого, что, когда шёл по ней с московскими геоморфологами до их лагеря выше озера Чеко, и когда возвращался на Заимку с озера Чеко в обществе Николая Васильева и его коллег из КСЭ, она не представляла особой сложности, и поэтому ничто там меня не смогло заинтересовать. Теперь же, после имевших здесь место больших пожаров, охвативших пространство от озера Чеко почти до самой Заимки Кулика, местность сильно заболотилась и заросла молодой берёзовой и лиственничной порослью, в которой старая тропа практически затерялась и нужен теперь большой опыт, скорее интуиция, чтобы, постоянно сбиваясь с пути, снова на неё возвращаться.

Путь до Чеко, налегке, только с небольшим рюкзаком за своей спиной туда, который, уже полегчавший, за счёт отсутствия в нём продуктов, потом нёс обратно инспектор Андрей Аксёнов, потому что я занимался фотосъёмкой, занял у нас в каждый конец, примерно, одинаковое время, около четырёх часов. Теряли тропу раз двадцать, особенно среди завалов, образованных упавшими деревьями, но интуиция Андрея Аксёнова, не зря же он эвенк, подсказывала ему по каким-то непонятным мне признакам, почти всегда верный путь. И только в двух случаях моя интуиция, скорее умение ориентироваться на местности, оказалась более точной, и Аксёнову приходилось считаться с моим мнением. Одно могу точно сказать, что по этой тропе до озера Чеко, я бы без Андрея Аксёнова шёл бы в два раза дольше, постоянно натываясь и обходя болота, продираясь через сплошные заросли березняка, а, не обходя их, как мы с ним это делали тогда постоянно.

Переночевав на озере Чеко и сделав рано утром видеосъёмку достопримечательностей, насколько это было возможно, потому что солнце поднималось над озёром, и было мало надежды, на качество снимков, мы сразу же, после завтрака, пошли назад на Заимку. Спешка была связана с тем, что туда в любое время мог прилететь вертолёт с начальством для приёмки реставрационных работ.

Начальство в этот день не прилетело, и мы с Андреем Аксёновым сняли фильм, о событиях 1971 года, в котором я сыграл самого себя и даже спел несколько своих песен. Думали на следующий день снять дубль, но эти планы так и не осуществились.

25 июня 2008 года проснулся около четырёх часов утра. Спать не хотелось. Над болотами стелился туман и я, захватив с собой карабин и фотоаппарат, пошёл к Фаррингтону. Видео камеру брать не стал, так как её аккумулятор ещё явно не зарядился от солнечной батареи. Судя по протоптанности тропы после развилки её в сторону озера Чеко (той самой новой тропы), было заметно, что экскурсии на вершину Фаррингтона совершаются теперь не часто. Метров за сто до самой вершины её вообще почти не было видно, возможно потому, что каждый идёт там к ней, как ему кажется удобней и быстрее.

Панорама вокруг геодезического знака была не полной. Часть её скрывали на вершине деревья, внизу туман, а вдаль восходящее, но ещё не слепящее глаза, солнце. Немного ниже вершины, под пирамидку из камней, на память о себе, положил записку: «Фаррингтон, я к тебе ещё вернусь», но не мог даже представить, что вернусь к нему так скоро. Возвратившись на Заимку, понял, что забыл на геодезическом знаке, повешенный там, на время фотосъёмки, компас. Пришлось возвращаться. На этот раз взял с собой видеокамеру, так как аккумулятор фотоаппарата полностью разрядился. Но снять на неё всё равно ничего не удалось, так как ёмкости аккумулятора хватило только на одну секунду видеосъёмки. Когда вернулся на Заимку, инспектора ещё спали в своей палатке. Я тоже решил последовать их примеру и, подключив аккумулятор видеокамеры обратно к солнечной батарее, пошёл досыпать к своей палатке. Проснулся от шума подлетавшего к Заимке вертолётa. Быстро оделся и пошёл встречать гостей, ещё не зная, что на этом вертолётe, мне придётся возвращаться в Ванавару.

Таким образом, моё пребывание на Заимке Кулика и в её окрестностях продлилось только до 25 июля 2008 года, потому что туда должно было нагряться местное начальство, и Людмила Логунова посчитала, что там, в это время, не должно быть посторонних лиц. Правда, я себя как-то во множественном числе ещё ни разу не представлял, даже находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, но уговаривать её, оставить меня там, ещё дня на три до 27-28 июля, было бесполезно. Она мне сказали, чтобы я быстро собирался, но процесс установки памятного знака на Заимки, который привезли туда на этом вертолётe, затянулся, так что успел зарядиться аккумулятор видеокамеры, и мне удалось даже снять начало его установки. Мне даже удалось сфотографироваться рядом с этим произведением искусства, правда не при помощи своего фотоаппарата, а, попросив это сделать туриста из Красноярска, который помогал там устанавливать памятный знак, и тоже что-то снимал своим фотоаппаратом на память. После того, как турист из Красноярска меня сфотографировал, я, с его разрешения, перенёс сделанные им фотоснимки в свой фотобанк. Перед самым отлётом, частично зарядив аккумулятор своего фотоаппарата от солнечной батареи, я сделал пару снимков установленного памятного знака на Заимке Кулика и ещё несколько десятков снимков местности с вертолётa, через приоткрытую дверь, когда он уже взлетал и летел в сторону Ванавары.

Я не мог подумать, что слова в моей песни, посвящённой командору КСЭ Николаю Васильеву, окажутся не просто условным сравнением его великих дел, а воплотятся в памятник: «...В пирамиде из проб, только воткнутый столб, с указателем здесь был Кулик!»

Сам памятный знак, по сути, напоминает так раз этот столб из песни, а нос птицы действительно выглядит, как указатель на памятную доску на избе Кулика.

Первым делом, прибыв в Ванавару и временно оставив свои вещи на территории дирекции ГПЗ «Тунгусский», я пошёл на почту, где получил отправленные до востребования для себя четыре бандероли со своими книгами «Таёжный дневник» формата А5.. Те книги, которые привёз с собой, формата А6, я уже почти все успел раздарить на память о своём пребывании на Заимке Кулика и в Ванаваре. Заказав потом по телефону на почте такси, сначала поехал в ГПЗ «Тунгусский» за своими вещами,

которые, выгрузив на территории ванаварского музея, поехал дальше в библиотеку, но вместо взрослой библиотеки попал в детскую и там оставил одну из своих книг. Сотрудники библиотеки попросили подарить им ещё одну книгу, и я пообещал привезти им одну из тех, оставшихся у меня, меньшего формата, даже только за то, что меня там пригласили посмотреть детскую викторину, посвящённую 100-летию падения Тунгусского метеорита, которую там должны были провести сотрудники библиотеки для детей из эвенкийских интернатов.

Получилось так, что первые две ночи, 25 и 26 июня 2008 года, после возвращения с Заимки Кулика с разрешения Риммы Пироговой я ночевал в ангарской избе, на территории ванаварского музея. Экспозиция музея уже была почти полностью готова, а ангарская изба только ещё наполнялась экспонатами. Я тоже пополнил коллекцию музея спилом бревна с избы Кулика, снятого во время реставрации, причём предложил Римме Пироговой взять любой из привезённых мной экземпляров, какой ей больше всего понравится.

Там же (по недоразумению, так как неправильно понял Пирогову, которая сказала, что прибыло её начальство и, думая, что это из Туры музейные работники), я поинтересовался у них «какой ванаварский мудака, решил заказать зеркальный памятный знак на Заимке Кулика»? Затем популярно объяснил этим господам, почему этот памятный знак будет снесён первым же медведем, который увидит в нём своё отражение.

Мужчина небольшого роста, который представился Главой села Ванавара, не стал оправдываться, а также популярно объяснил мне, что руководство Ванавары к этому знаку не имеет ни малейшего отношения. Решали без них, а потом на них же всё и взвалили, выделив средства на все мероприятия в Ванаваре, посвященные 100-летию Тунгусского метеорита, только в мае 2008 года.

От него я узнал вообще то, что я бы никогда не смог предположить и тем более поверить, но ещё раз подтвердившее известную русскую поговорку, что «дураки в России никогда не переводятся».

Кто-то из высокого Красноярского начальства, решил, что избы Кулика будет лучше всего перевезти из тайги в Ванавару и стоило большого труда администрации Ванавары и возмущённой общественности, заставить руководство Эвенкии отказаться от этой идиотской затеи.

Дальнейший разговор с Мансуром Фазылзяновым и главой администрации Ванавары Галиной Обуховой я продолжал в ангарской избе, подарив им по своей книге и сохранив от этой и всех последующих с ними встреч, приятное впечатление.

Мало того Мансур Фазылзянович пообещал найти мне место в гостинице, и не только сдержал своё слово, но даже помог мне туда, через день, переселиться, лично перетащив часть моих вещей к своему автомобилю.

Следует отметить и то, самое главное, чем мне пришлось заняться в Ванаваре. Когда я 25 июня 2008 года туда вернулся, то застал там в самом разгаре отделку памятника Тунгусскому метеориту. С каким качеством велась эта отделка, меня это несколько удивило, и я выразил своё недоумение так, что отделочники чуть не разбежались, когда я стал снимать ход работ на видеокамеру. Пришлось их успокаивать, говоря, что снимаю не компромат, а только как истинный ценитель исторических памятников, к которым я причислил возводимое ими сооружение, исключительно себе на память. Далее приравняв их к строителям египетских пирамид, я сказал, что о первых строителях египетских пирамид нам практически ничего неизвестно, и только в последнее время, появились свидетельства, что их строили не рабы, а свободные и всеми уважаемые в Египте люди. Поэтому, - сказал я им далее, - видеть настоящих строителей пирамиды (т.к. памятник

действительно напоминал маленькую пирамиду) для меня большая удача. - И мне хотелось бы, чтобы они не относились к этой работе, как к обычной халтуре на шабашке, а чтобы потом, когда осознают, что они сделали, с гордостью сказать своим близким и друзьям, - это мы её возвели в 2008 году и нам не стыдно за свою работу.

На одной из фотографий один из строителей «пирамиды», который не испугался сфотографироваться 25.06.2008 года, поставил на ванаварский памятник Тунгусскому метеориту, один из тех «шариков», который я нашёл на Хушме. На другом снимке, сделанным 27.08.2008 года, я пришёл посмотреть на окончание работ. В этот день строители обещали начать работу в 7 часов утра, но ни в семь, ни в девять часов их у памятника не было. Когда появился их бригадир Александр Замураев, я, поинтересовавшись у него, почему не продолжают работы, и, узнав, что он уже трижды будил своих коллег и звал приступить к работе, но не добился никаких результатов. Тогда я попросил Замураева передать своим подчинённым, что, если они через пять минут не выйдут на работу, то я сам пойду их будить, но только уже ногами по задницам. Что всё будет именно так, никто из них не усомнился, поэтому они все, вялой походкой, вскоре, подошли к памятнику. Когда я закончил «инструктаж», то попросил одного из строителей сфотографировать меня с их бригадиром на память, а вечером принёс им бутылку самого дорого, продававшегося в Ванаваре коньяка. После вручения бутылки Замураеву, выразил только своё пожелание, чтобы они отметили этим благородным напитком окончание работ, если за их качество, никому из них, не будет стыдно. 28.06.2008 года я ещё раз пришёл к «строителям пирамиды» и узнал, что после сдачи памятника комиссии, они вечером 30.06.2008 улетают в Красноярск. Узнав приблизительное время отлёта, я пообещал, что обязательно приду их проводить домой.

Перед тем как принять участие в викторине «Поле чудес», посвященной 100-летию Тунгусского метеорита, для детей, привезённых из разных интернатов Эвенкии на праздничные мероприятия, я решил сходить в магазин и купить им, что-нибудь из напитков и конфеты. Что такое «Интернат», «Детский дом» или «Дом престарелых», мне известно больше, чем кому-либо в России. Я посещал эти «заведения» не в составе каких-либо комиссий, к которым готовятся, а в качестве человека, которого, казалось бы, должно было интересовать только состояние технического оборудования. Не удивительно, что там считали, что передо мной, можно было расслабиться и показать своё истинное лицо – равнодушное или наглое, ввиду полной безнаказанности по отношению к беззащитным людям.

Поэтому, я отправился в магазин «Синильга», в котором только в одном и продавались, в оригинальных бутылочках (в виде виноградной лозы») напитки и приобрёл их там две упаковки, а также большую коробку, только поступивших в продажу импортных конфет.

Когда в библиотеке я начал снимать на видеокамеру ход викторины, то понял, что детей явно больше 24 человек и, попросив одну из воспитательниц продолжить съёмку, снова отправился в магазин. Рядом с библиотекой, из проезжавшего мимо автомобиля меня окликнул водитель, в котором оказался товарищ, занимавшийся установкой памятного знака на Заимке. На вопрос, куда я направляюсь, я ответил ему, что неплохо бы и ему совершить в жизни хотя бы одно доброе дело, и отвезти меня в магазин, где я должен докупить подарки детям из эвенкийских интернатов. Выразив на своём лице удивление, не меньшее, чем когда на Заимке я посоветовал ему запечатлеть себя под лосиными рогами, он, тем не менее, развернул машину и отвёз меня в магазин и оттуда обратно в библиотеку. Возможно, он теперь действительно поверил, что норвежская кепка, которую я прибил на голове рукотворного лося, действительно стоит 100 евро, хотя тогда, конечно, я просто пошутил и сколько она стоит, честно говоря, не знаю, а жена, подарив её мне, вернувшись из Норвегии, на вопрос, - сколько она стоит? – сказала, - что мне не обязательно это знать.

Что меня больше всего удивило при проведении этой викторины, что никто из этих детей, казалось бы, отставших в своём интеллектуальном развитии от сверстников из благополучных семей, не взял, выпадавший при раскрутке барабана приз, а продолжал игру, даже понимая, что нет никакой надежды, назвать нужную букву или отгадать слово.

После викторины, сотрудница библиотеки, представляя меня детям, как «московского писателя» и показывая им мою книгу, попросила меня рассказать детям о том, что я ищу на месте падения Тунгусского метеорита. Сказав детям, что ищу упавший в тайге инопланетный космический корабль, я спел им свою песню, с шутливой гипотезой об имевшем месте визите на Землю, посланцев из другого измерения, скрытого за одной из чёрных дыр:

Из какого-то измерения,
Из какой-то вселенной дыры,
Звездолёт, изменив направление,
Шёл к Земле, изучая миры...

Эта песня уже была в поэтическом сборнике «Таёжный дневник», в котором дневники и суть проблемы Тунгусского метеорита представлены в виде обычных приложений.

После окончания моего выступления, сотрудница библиотеки попросила детей пройти в соседнюю комнату и получить принесённые им «московским писателем» подарки. И мне, честно говоря, было приятно видеть, что и викторина, и отношение к детям сотрудников библиотеки и моё в ней участие, обернулась для детей, настоящим праздником, впечатление от которого не хотелось испортить во время официальных мероприятий, которые должны были состояться в Ванаваре 29-30 июня 2008 года.

Место в гостинице оказалось комнатой в одном из жилых домов на улице Шишкова, в которой уже расположился Егор Галков, сотрудник ГТРК «Красноярск», прибывший в качестве оператора для съёмки праздничных мероприятий. Ему я также подарил свою книгу «Таёжный дневник» и попросил выслать мне в Москву, если он не забудет сразу же обо мне в Красноярске, видеоматериалы, которые снимет на Заимке Кулика 30 июня 2008 года.

Снимая в Ванаваре интервью, которое дал для его телеканала академик Геннадий Плеханов, он после съёмки, показал ему мою книгу и академик даже попросил его передать мне, чтобы я зашёл к нему поговорить. Ворошить старое не хотелось, и тогда я от этой встречи уклонился.

Вместо этого, проведя последний инструктаж «строителей пирамиды» 28 июня 2008 года, я в четыре часа утра 29 июня 2008 года отправился берегом Подкаменной Тунгуски к устью Чамбы.

Перед началом похода на Чамбу, попросил одного из ребят, возвращавшихся с дискотеки, сфотографировать меня на фоне площади с памятником «Тунгусскому метеориту».

Парень поинтересовался, - откуда я приехал, и, узнав, - что из Москвы, искренно удивился тому, - зачем стоило так далеко ехать в те места, где нет ничего интересного. Я с ним не согласился, сказав, что многие мечтают попасть в эти места, но не каждому удаётся по разным объективным причинам.

Пока я выбирал место, где мне лучше встать, парень сам сфотографировал себя и надо сказать, снимок получился удачным, как будто кто-то сверху смотрит с удивлением на тех, кто тут копошится, занимаясь поиском Тунгусского метеорита. Наверно так и я смотрел все эти годы на членов КСЭ, которые мечтали получить Нобелевскую премию,

решив проблему Тунгусского метеорита, как одну из величайших тайн Солнечной системы.

Первые пять-шесть километров идти по берегу Подкаменной Тунгуски было легко, как по хорошо накатанной машинами вдоль берега дороге. Небольшие речки, преодолевал тоже без особого труда, правда, теряя время на поиск перекинутого через них поваленного дерева или деревьев, которые использовал для перехода с берега на берег.

Остановился на отдых в зимовье в десяти километрах от устья Чамбы, (хотя думал сначала, что в пяти, так как считал, что до устья от Ванавары 25 километров), отдохнул, проспав после обеда часа два, и снова продолжил путь, но уже без рюкзака и снаряжения, которое оставил в зимовье. К концу дня показалось устье Чамбы и когда до него оставалось метров двести, меня заметил со своего кордона «Чамба» инспектор Владимир Сопин. Видя, что его моторная лодка идёт по направлению ко мне, я остановился, присел на валун и стал ждать его прибытия. Когда Сопин причалил к берегу, я спросил его ради шутки, - почему он один и нарушает инструкцию по технике безопасности. Сопин, начал оправдываться, нет, чтобы самому спросить, - какого хрена я здесь сам, да ещё с «сучкой», которая привязалась ко мне по пути к Чамбе и выражала явное недовольство своим лаем, когда я не обращал внимания, на вспугнутую ею, на моём пути, дичь. Правда Сопин быстро догадался, что я его разыгрываю и, спросив, наконец, - зачем я пришёл сюда, - отвёз меня к устью Чамбы, где я сделал серию снимков, ради чего и проделал 30 км, а затем напоил меня чаем у себя на кордоне. Мало того он ещё потом подбросил меня на своей моторке на 5 км назад на полпути к зимовью, где я остановился и, видимо, остался доволен, что я как-то смог разнообразить его жизнь в этот праздничный для всех ванаварцев день.

Когда до зимовья оставалось около километра, сначала заморосил, а потом пошёл дождь. Пришлось в зимовье затопить печь и развесить для просушки одежду. Правда, от жары в зимовье я долго не мог уснуть.

В зимовье обнаружил несколько камней, один из которых был удивительной формы с плоским основанием и если смотреть сбоку, напоминал птицу или какой-то летательный аппарат. Написал записку хозяину, что забрал его камень, для изучения. В записке указал свой московский адрес с обещанием вернуть камень по первому требованию. За временное пользование камнем оставил ему портативную газовую печку с полным баллончиком, а также адрес «гостиницы», где он по предъявлении этой записки, мог забрать себе ещё два баллончика с газом и рыболовные снасти.

Утро, юбилейной даты, 30 июня 2008 года было наполнено густым туманом. Ничего не было видно даже в нескольких метрах от зимовья и поэтому пришлось ждать, когда он окончательно рассеется.

Самое смешное было в том, что когда я прошёл метров пятьдесят от зимовья, то на берегу реки обнаружил камень, верхняя часть которого была идентична той, которая так меня там поразила, и я понял, что это всего лишь продукт творчества земной природы.

Хотел вернуться, чтобы положить обратно взятый в зимовье камень, но, вспомнив какое он произвёл на меня впечатление, решил не возвращаться и оставить иллюзию хозяину зимовья, что и он тоже, как и я сам, сделал хотя бы какой-то вклад в отечественную науку.

Где-то около четырёх был в Ванаваре. В «гостиницу» идти было некогда, поэтому, купив в магазине «Синильга», литровый пакет красного сухого вина, на такси, как был с рюкзаком, так и поехал в аэропорт, потому что обещал строителям памятника Тунгусскому метеориту в Ванаваре, что я обязательно приду проводить их в Красноярск. Ребята с гордостью сказали, что сдали «объект» на четвёрку, и теперь уже никто из них не побоялся сфотографироваться вместе со мной на память. При этом, чтобы оживить

женским присутствием кадр, пригласили вместе с нами сфотографироваться двух работниц ванаварского аэропорта, которых нам не пришлось долго уговаривать.

С Геннадием Плехановым я имел возможность перекинуться несколькими фразами в аэропорту Ванавары, когда провожал Егора Галкова в Туру. Он мне и указал идущего с лётного поля академика. Странно, но почему-то даже Геннадия Плеханова не оставили на Заимке вместе с его командой из КСЭ, для продолжения там научных работ и вывезли обратно в Ванавару.

В связи с тем, что я не был в числе приглашённых на празднование 100-летия падения Тунгусского метеорита, и по причине того, что искал «тунгусский метеорит» не там, где «коллегиально» установили место взрыва теперь уже «кометы», то ни на одном из мероприятий посвящённых этой дате, не присутствовал. Во-первых, как я уже говорил, потому, чтобы ни себе, ни кому-то не испортить праздничного настроения, и, главное, во-вторых, чтобы самому окончательно не разочароваться в тех, с кем когда-то встречался и даже переписывался.

Следует отметить, что поговорил с Плехановым, минуты полторы, ровно столько же времени, как и на конференции в Томске в 1971 году.

Вспомнить было нечего, да и сказать что-то друг другу тоже. Даже «пары слов без протокола», я от него не услышал, для «своей родной Москвы». Как он сказал «Так...», так мы с ним и расстались. И не удивительно, сказать ему, в сущности, мне было нечего, как и в 1971 году, когда меня сдуру или шутки ради, пригласили в Томск на конференцию, а я взял и приехал. Выражение лица Плеханова при нашей встрече в Ванаваре было такое же, как в Томске, которое полностью вписывается в рамку выражения – «зачем на бал пришёл медведь!»

Можно было бы остановиться, как встречали и провожали прибывавших на праздничные мероприятия гостей, но это уже тема для юмористического рассказа и об этом, я ещё расскажу, но только в другой книге.

Остановлюсь о впечатлениях, которые произвели на меня жители самой Ванавары. Понимая, что через 36 лет тех, кого когда-то знал, встретить будет невозможно, я, тем не менее, шёл на любой с ними контакт, при всяком удобном случае, стараясь, начать и переводя любой разговор к шутке.

Когда я снимал на память дом, в котором находилась детская библиотека, к ней подходили женщина с банкой и мужчина с косой. - Что ты дом фотографируешь, сфотографировал бы меня? – обратился ко мне мужчина.

- Хорошо, - последовал мой ответ, - но только встань не около забора, а у двери библиотеки.

- А, что, - обращаясь к женщине, - сказал мужчина, - мы тоже читатели, так что давай вместе с тобой и сфотографируемся!

Я сделал несколько снимков, и казалось бы, на этом и должно завершиться короткое знакомство, после того как будет сказано, куда и кому потом передать фотокарточки, но мужчине разбирает любопытство, кто я такой и зачем приехал в Ванавару.

Знакомимся:

– Константин!

– Володя!

– И откуда, ты Костик? - спрашивает Володя.

– Из Москвы!

– И зачем сюда приехал?

– Да, вот до Москвы дошли слухи, что Вы здесь от голода пухнете! Вот меня и попросил

президент проверить, действительно ли так?

– Да, - говорит в ответ Володя, - поглаживая небритые холёные щёки, - совсем тут изголодались!

Смеёмся и расходимся в разные стороны, даже не вспомнив о том, куда и кому, я должен буду отправить сделанные фотоснимки.

Обходя с видеокамерой и фотоаппаратом окрестности Ванавары, я неожиданно наткнулся на огороженную платную лодочную стоянку. У дверей на заборе был звонок. Я позвонил. Из будки, в качестве которой использовался автобусный кузов, как я сразу же догадался, вышел не сторож, а сам хозяин.

Увидев перед собой незнакомого человека с репортёрской сумкой на плече, он с несколько настороженным видом поинтересовался, что мне от него нужно.

– Я к Вам от Абрамовича, - ответил ему я, с серьёзным видом, зашедшего по важному делу человека, - и далее добавил:

– Он попросил поинтересоваться, можно ли ему поставить на Вашей лодочной стоянке свою яхту?

Абрамович, яхта, стоянка, улыбка незнакомого человека и полная растерянность, что ответить, сменяется на приглашение зайти в гости и потом уже познакомиться поближе. Что ни человек, мной встреченный в Ванаваре, то история, иногда грустная, иногда трагикомичная, а иногда и просто смешная.

Тот же хозяин лодочной стоянки Борис Чугунов, когда потерял работу, не сделал из этого трагедии, а несколько лет назад, раскрасив свою машину «шашечками», как такси, выехал 1 апреля на улицы Ванавары, предлагая своим землякам возможность за 50 рублей съездить в любой конец Ванавары. Сначала все подумали, что это шутка, но вскоре, поняли, что это всерьёз и надолго. Сейчас у Чугунова появились конкуренты, ещё две «автомобильные компании», и пускай в них от одной до трёх машин, но жители Ванавары уже привыкли, что в любое время суток, могут поехать, куда им надо и, главное, когда им удобно.

В этой книге, мной приводится песня «Под городом Мценском...», да и ещё под сколькими городами в России, одно и то же - отсутствие работы, пьянство и нежелание, что-то предпринять самим. И мне было приятно, что так всё-таки не везде и мне было радостно смотреть на людей, которые ещё не разучились в жизни чему-то удивляться:

Иду по деревянному тротуару улицы Советской в магазин «Синильга» и разговариваю по сотовому телефону с женой. Закончив разговаривать, кладу телефон в карман и слышу за спиной, из-за ограды одного из домов, женский голос.

– Как-то, странно, идёт человек по улице и разговаривает по телефону. Наверно с Красноярском? – видя, что я обернулся, уточняет женщина.

– Нет, не с Красноярском, а с Москвой-матушкой, – отвечаю я, и вижу, на женском лице такое удивление, как будто со мной на связи только что была не жена, а Туманность Андромеды.

До того, как Мансур Фазылзянов, не подыскал мне место в «гостинице», никто не предлагал мне ни одного места, куда бы я мог перебраться из музея. Сразу как я только стал собираться в «гостиницу», мне стали предлагать и другие места. Если бы я знал, что один из оформителей территории ванаварского музея, Георгий

Грешилов, которого я застал там за ответственной работой, вырезания на древесном столбе изображения бога Агды, уже разыскивал меня после возвращения с Заимки Кулика, и сумел найти, то конечно, «приключений» в этом селе, у меня было значительно

меньше. Перед отлётом на Заимку Кулика, я попросил Георгия Ивановича, вырезать мне на память из дерева или на небольшой доске, любую местную достопримечательность. Георгий Иванович пообещал и дал мне свой адрес. Поэтому, после того, как я разместился в «гостинице», то сразу же на такси поехал к нему в гости.

Я даже не мог подумать, что он так обрадуется встрече со мной, потому, что не думал, что мы сможем увидеться снова. Его жена Людмила Адольфовна предложила мне у них пообедать, а после того, как мне показали, какая у них баня, я не отказался испытать все прелести от её воздействия на свой организм после дальней дороги.

Возвращался в «гостиницу» на заказанном по телефону такси и как в первый раз, когда воспользовался им, узнав, что «таксистам» запретили во время праздников брать больше 50 рублей «с гостей метеорита», при себестоимости в 70 рублей, рассчитываясь с ним, протянул сторублёвую купюру, повторив, отказываясь от сдачи, уже не раз сказанную фразу:

- И не подумай, что я тебя этим, оскорбляю!

Получилось так, что при ёмкости 160 гигабайт фотобанка, оттого, что я неправильно им пользовался, при копировании на него фотовидеоматериалов, он оказался полностью заполненным, и мне пришлось купить все, имевшиеся в наличие в Ванаваре карты-памяти типа SD, ёмкостью не менее одного гигабайта, которые стоили там раза в три дороже, чем Москве.

К тому же карты-памяти продавались в те дни только в одном месте, магазине бытовой техники, расположенном в подвале одного из зданий на окраине Ванавары.

Там в то время двое мужчин из Байкита приценивались к компьютеру, а так как женщина-продавец не могла объяснить, чем эта модель отличается от Pentium'a, то они обратились ко мне за помощью. Я популярно объяснил им, что сейчас новые модели процессоров настолько ушли вперёд от Pentium'a, как когда-то сам Pentium ушёл от 286-го процессора.

Мужчины тогда махнули рукой на свои сомнения и сказали продавцу, что покупают этот компьютер. Поздравил с покупкой, я попросил разрешения их сфотографировать, только для того, чтобы испытать карту-памяти, которую купил перед ними.

Мужчины ответили категорическим отказом, но когда я спросил:

- И чего вы боитесь, как будто находитесь в розыске?

Все, кто был в магазине, рассмеялись, и снимок получился просто замечательный.

Но не только мне пришлось иронически относиться к повседневной жизни в Ванаваре, но и самому пришлось оказаться просто в дурацком положении, когда при посадке в самолёт, при возвращении в Москву, я неожиданно оказался и без билета, и без паспорта.

Свой рюкзак и сумку с лежащим на ней билетом и паспортом я тогда машинально закинул, следом за сумкой какой-то гражданки, попросившей меня помочь погрузить её ручную кладь в машину, которая отвозила вещи пассажиров к самолёту.

А потом долго не мог понять, куда положил билет и паспорт, перетряхнув несколько раз сумку с фотоаппаратурой. Когда до меня дошло, что я мог закинуть паспорт и билет, которые тогда положил на свою сумку, в машину, то Мансур Фазылзянович, с которым мы летели вместе до Красноярска, встал рядом со мной и стал следить за тем, как вещи

пассажиров вытаскивались из машины и переносились в самолёт. Когда доставали мою сумку, то на ней оказался, как я и думал, и мой паспорт, и билет на самолёт.

Смешная ситуация, а почему-то было грустно, когда, многие, чувствуя мою растерянность при потере документов, отворачивали глаза и только один «Глава села Ванавары» вызвался мне помочь.

Во время пребывания в Ванаваре и на Заимке Кулика я написал и сделал наброски, по крайней мере, пятнадцати песен. Двенадцать песен обработал и даже напел их на DVD-диски, как своего рода комментарии, на включенные в них фотографии и видеосюжеты. Одну из этих песен, чтобы оправдать, то, чем я занимаюсь в тайге со слов корреспондента «Вестей России» Александра Рогаткина, являясь «искателем инопланетного корабля», я посветил исключительно этой самой интересной гипотезе:

В тайге, в тайге, незнамо где,
Какого там болота,
Сто лежат на самом дне
Обломки звездолёта.
И как кругами на воде,
Там торфяные гряды,
Но всё равно на той звезде,
Связаться с нами рады.

Считают - это был болид,
Такой большой метеорит,
А может быть комета...
И там Заимка, где стоит,
Где всё о взрыве говорит,
Но взрыв ли делал это?

Ведь проще приписать богам,
Что мог устроить ураган,
Валя деревья радиально...
Лишь тем, кто пил портвейн «Агдам»,
«Агды» привидеться мог там,
Как Сам Христос реально.

Тех лет там сняли торфа пласт,
Искали, что могло упасть,
И словно соревнуясь,
Сказать не прав, что был фантаст,
Стоят два «ЭПИ-», «-Джон» и «-Фаст»
На «-Золотова» дуясь.
Но вероятности процент,
Что чей-то верен «ЭПИ-центр»,
Откуда пальцем в небо ткнулись...
Лишь над землёй в другом конце,
Горит звезда «Центавра С (це)»,
Куда отсюда не вернулись.

В тайге, в тайге, незнамо где,
Какого там болота,
Сто лежат на самом дне
Обломки звездолёта.

И как кругами на воде,
Там торфяные гряды,
Но всё равно на той звезде,
Связаться с нами рады.

Вернувшись в Москву, я посмотрел в Интернете ролик и распечатку закадрового текста с моим интервью «Вестям России», которое я дал этому телеканалу в Ванаваре.

Смысл моего интервью, которое мне не дали закончить, потому что я несколько увлёкся своими воспоминаниями, а у Александра Рогаткина, на всё якобы не хватило «плёнки», был в том, что и тогда 36 лет назад, далеко не всё хорошо в этих местах было изучено. Моя находка «детали инопланетного корабля», которую на иллюстрации моей книги показал Александр Рогаткин, а на следующий год найденный Джоном Анфиногеновым «камень», были доказательством того, что ещё рано говорить о кометной природе Тунгусского метеорита, и подгонять результаты научных исследований для доказательства только этой гипотезы. Стало ясно, что ещё не всё толком изучили, что может лежать просто на поверхности земли.

Видимо, под впечатлением от сделанной Джоном Анфиногеновым находки «метеорита» на горе Стойковича, на очередной «ноябрьской» конференции «...Васильев вкратце выступил о планах на будущее лето, об организации кажется 2-х лабораторий в устье Чамбы и на Чеко и о планах John'a и Плеханова, которые будут в центре (на Заимке Кулика). Было принято «...предложение Плеханова брать пробы 4 x 1 x 1 (м) с целью извлечения из них подозрительных предметов, сразу названных горохом Плеханова. Выступили Плеханов, затем John, впрочем, John'a на этот раз никто не прерывал и не кричал на него, хотя, по-видимому, относятся к нему, точнее к его находке, скептически...» (цитата из присланного мне Александром Фазлиевым письма от 20.11.1972 года).

Расспросив меня подробно, что напоминает найденный мной «предмет», Александр Рогаткин, заинтересовался, - почему он мной не был отдан специалистам для изучения? Тогда я ему ответил, сославшись, на то, что тогда говорили некоторые члены КСЭ:

«...Как они говорили тогда, нам не главное найти метеорит, нам главное сам процесс поиска этого метеорита. Если мы его найдём, мы его надолго закопаем. Вот я и закопал этот камень надолго...».

Как всё это смог вывернуть наизнанку Александр Рогаткин мне трудно понять:

«...Почему не могут найти вещество? Потому что не там ищут», - уверен директор музея «Тунгусский метеорит», президент Государственного фонда «Тунгусский космический феномен» Юрий Лавбин.

Лавбин - из тех, кто уже нашёл. Его музей просто завален обломками, как он уверяет, Тунгусской кометы. По его версии, в неё врезался инопланетный космический корабль, чтобы спасти человечество от неминуемой гибели.

На пластинах кварца видны отпечатанные треугольники и какие-то знаки. Официальная наука предпочитает такое не комментировать. Но похожие обломки искал 50 лет назад космонавт Гречко. Конструктора Королева убедили, что они помогут при проектировании советских орбитальных комплексов. Он дал добро. Но из экспедиции Гречко привез только срез таёжного дерева.

«Мы сто километров по тайге шли пешком, - вспоминает дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Григорий Гречко. - И когда через месяц я звонил Королеву и рассказывал о тех работах, которые мы там сделали, он спросил: «А кусок корабля

нашли?» Я сказал, что ещё не нашли. Он ответил: «Ищите». Прошло 100 лет, и куска корабля тоже никто не нашёл».

А Тунгуска продолжает притягивать искателей камней необычной формы.

А сколько тех же запчастей от летающей тарелки найдено, не счесть. Правда, все они больше фотографиями подтверждаются - это чтобы не противоречить главному принципу самостоятельного метеоритного поиска.

«Нам главное - не найти. Главное - сам процесс поиска этого метеорита. Если мы его найдем, то мы его надолго закапаем», -

сказал искатель инопланетного космического корабля Константин Коханов...».

Кстати я не утверждал, что, на показанной мной фотографии «часть» инопланетного корабля, а сказал, что это, скорее всего, часть какого-то доисторического животного, форма которой, наводит на некоторые размышления. По просьбе Александра Рогаткина я покрутил в руке перед телекамерой, очередной, мной найденный на реке Хушме «метеорит», и сказал, что он открыт для изучения всем, желающим прославиться, научным работникам.

Учитывая, что по телевидению этот «метеорит» показали уже дважды, в разных телепередачах, он всё-таки произвёл на журналистов какое-то впечатление.

Просматривая в очередной раз книгу Бориса Вронского «Тропой Кулика» (М., Мысль, 1968), я на стр. 49 обратил внимание, казалось бы, на несущественное описание разговора о Тунгусском метеорите:

«...Ярко пылал огромный костёр. Олени, позвякивая бубенчиками, сновали среди редколесья у берегов Нерюнды. Илья и Типталики быстро улеглись спать, а Катя, покуривая трубочку, долго сидела с нами у костра. Я спросил её, не помнит ли она что-нибудь из рассказов о том, как прилетал бог Агды.

- Какой Агды? – раздражённо заметила Катя. – Такой бог совсем нет. Это люче (*русские*) выдумал бог Агды. Люди говорили: летел по небу огонь, чего-то бомбил, палил тайгу, а больше не помню.

Меня заинтересовали её воспоминания из далёкого детства, когда она и её родители кочевали где-то в бассейне Кимчу.

- Хорошо было, - рассказывала Катя. – Мы играли с камушками. Были такие камушки, светлые, как вода, разного цвета. Были и такие, что ночью светились. Ты чего, не веришь? – обиженно спросила она, уловив недоверчивое выражение моего лица. – Правду говорю. Возьмёшь такой камушек в руку, он холодный, а сам светится, как огонёк, только не красный, а какой-то другой, не знаю, как сказать.

Мне припомнился минерал плавиковый шпат, который также называется флюоритом за свою способность светиться некоторое время после облучения солнечным светом. Однако такое свечение – флюоресценция – продолжается очень недолго...».

Странно, но этот записанный Борисом Вронским разговор, отразился в моём сознании, вполне отчётливой картиной, происходящего в 1908 году в тех местах, где я и сам окажусь, но только спустя 62 года:

Где не встретить поселенья,
Где вокруг уныл пейзаж,
Звездолёту приземленья
Место выбрал экипаж.

Разметав тайгу по кругу,

Сели около болот,
Упивавшихся с испугу,
Взяли эвенков на борт.

Провели их по каютам
В управления отсек,
Ознакомили с маршрутом
В сто одиннадцать парсек.

В схеме Солнечной системы,
Показали, где Земля,
Лишь тогда поняв, что с теми
Потеряли время зря.

На Земле по их расчётам,
Был технический прогресс,
Оказалось ничего там,
Вышел боком интерес.

На пространстве обозримом,
В ста верстах лишь две избы,
На упряжках к ним звериных,
Три-четыре дня езды.

И живёт в той Аннаваре,
Главный, кажется, их жрец,
Воду огненную варит,
Ещё света ждёт конец.

Не поймут пришельцы это,
Что эвенки им плетут,
Без конца, как здесь без света,
Воду огненную пьют.

Отпустили их со смехом,
Драгоценных дав камней,
Всем по варежке из меха,
А не то, чтоб стать умней.

Москва, январь 2009 года